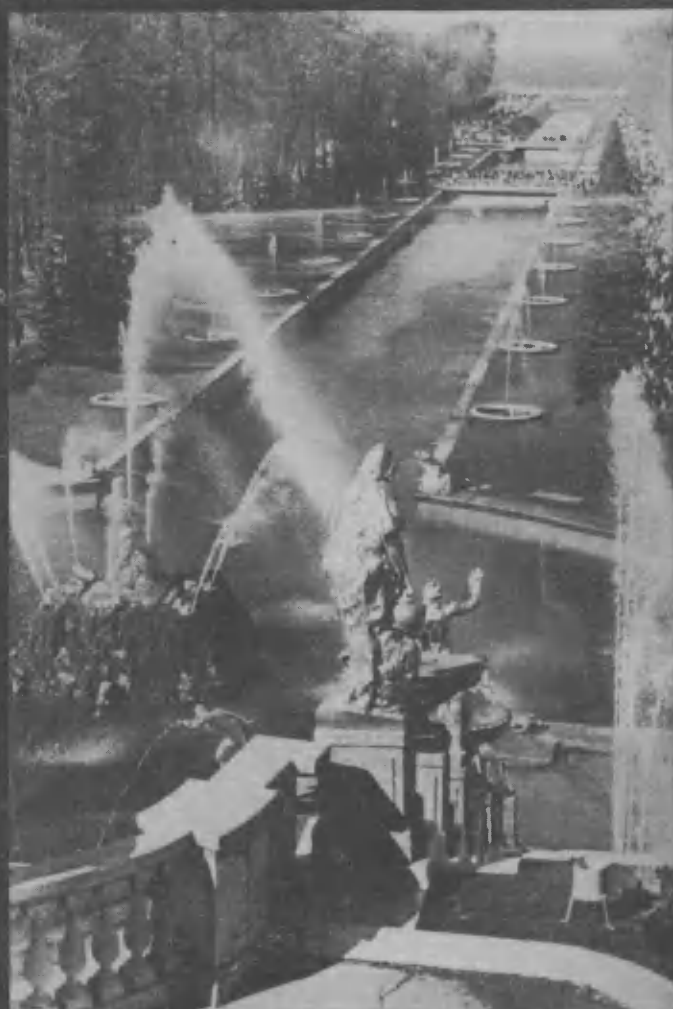

Искорка **7**
1979

№ 7

ИЮЛЬ 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газетной
и Ленинских
искры»,
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Василий ФЕТИСОВ

Рисунок Л. Московского

Р а д у г а

Ай да радуга-дуга —
светлые колечки!
На лугу одна нога,
и одна на речке!
С каждым солнечным лучом
радуга играет.
Круто выгнутым плечом
тучу подпирает,
словно просит:

«Туча, стой,
солнца ясного не скрой,
солнца
с яркой краской,
с теплотой и лаской!»
Широка стоит дуга —
яркие колечки!
На лугу одна нога
и одна на речке!

Скачите,

В тот день литейный мастер Василий Екимов учеников своих отпустил раньше обычного. Оставшись один, молча сидел на табурете, раздумывая и словно беседуя с самим собой. Новый ученик — это ведь как камень необработанный!.. С чем к нему подходить — с долотом или рашилом? Да и будет ли толк-то? Даже каждый камень — загадка. Из одного и ладная статуя получиться может, а другой пойдёт крошиться — и весь тут сказ!

С тех пор как назначили Василия Екимова заведовать литейной мастерской Академии художеств, учеников у него разных перебывало предостаточно. Но этот новенький — им не чета!.. Перво-наперво, этот сам пришёл, а не начальство прислало. «Интересуюсь, мол, литейным делом». Во-вторых, кто в «литейку» учиться шёл? Такие же, как сам он, Василий Екимов, мастеровые из крепостных. А тут — барон! Генеральский сын! Пётр Карлович Клодт фон Юргенсбург!

Кое-что о нём Василий Екимов слышал. Да только — кое-что... Родом петербуржец. Артиллерийское училище окончил. Отставной офицер конной артиллерии. В отставку по собственной воле вышел. И сразу зачастил в рисовальные классы Академии художеств. Что ещё? Самое главное — увлекается барон Клодт лепкой. Лепит фигурки лошадей.

Василий Екимов и не заметил, как запер свою «литейку» и пошёл к дому. Васильевский остров окружил его садами, пахнул из-за палисадов цветущей сиренью. Сирень — это хорошо! Жаль, цветёт недолго. Недельки три покрасует, а там, глядишь, и облетят лепесточки. Вот, поди, и барон так: жару из печи глотнёт, дымку едкого дохнёт — и поминай как звали!

Только и месяца не прошло, как убедился Василий Екимов в обратном: в «литейку» барон — бегом, из «литейки» вечером поздним — шажком неторопливым, с неохотой. Судя по всему, понравилось ему нелёгкое литейное дело: рук своих не жалеет, вопросами до самой сути докапывается.

Постепенно и забылось даже, что ученик — барон. Не раз в сердцах и кричал на него старый литейщик, а то и ругал крепко. А в ответ только: «Извините. Понял».

Быстро летит время. И не заметил старик, как из ученика мастер вырос. Укротитель коней. С конями ведь как? Отловят жеребёнка в табуне — так он ещё не конь, а дикий ветер. Попробуй-ка научить его под седлом ходить, узду носить, человека слушаться!.. И у Клодта так: попробуй-ка из куска глины коня создать! Да потом ещё в металл отлить! Труд немалый.

бронзовые кони!

В городе уже заговорили о Петре Карловиче Клодте. Юнкером лепил он для души, а в отставку вышел — попал «в стеснённые обстоятельства». Пришлось вылепленных лошадок пускать в продажу. Ну, понятно, покупатели у него свои — круга знатного. В одной гостиной лошадка стоит, в другой, глядишь — и третьему приглянулась, тоже просит отлить.

Задумали в это время на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом соорудить пристань. Её проект разрабатывал знатный архитектор Карл Иванович Росси. Он-то и заказал Клодту изваять для украшения пристани две группы — «Укротители коней».

С радостью взялся за дело Клодт. Решил коней создать в натуральную величину. Потом отлить их в бронзу. Да так уж на свете ведётся: частенько рядом с радостью ходит беда. Рассчитывал он, что поможет ему в задуманном старый учитель. Но в 1837 году умер знаменитый литейщик Василий Екимов. У Клодта уже и большая гипсовая модель готова была, можно бы и отливку начинать, да не стало Екимова...

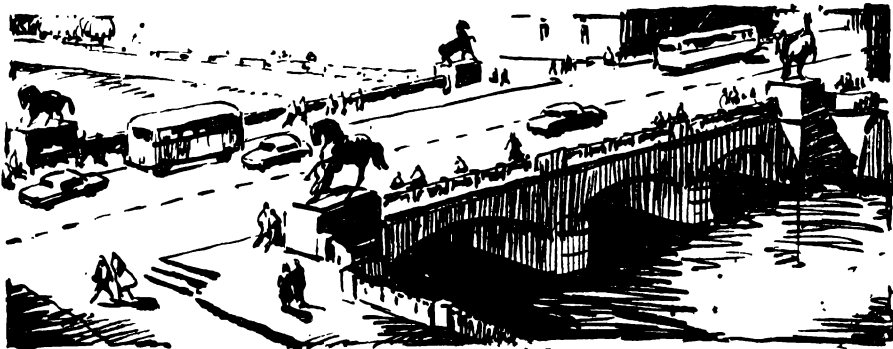
Кому такую отливку доверить? Сколько ни думал Клодт, сколько ни прикидывал — никого на примете не было. Получалось — самому отливать надо. Зря, что ли, столько лет он бок о бок с Екимовым у горячих печей простоял?

И взялся.

Если вы теперь придёте на Аничков мост, то можете и сами прочитать на базах, с которых рвутся бронзовые кони, короткую надпись: «ЛЕПИЛ И ОТЛИВАЛ БАРОН ПЁТР КЛОДТ В 1841 ГОДУ».

Такое Россия видела впервые. Обычно памятники создавали два разных человека: один лепил, другой отливал. Здесь же литейщик и скульптор соединились в одном лице.

Только почему же на Аничковом мосту? Ведь речь шла о пристани на Неве... Придётся нам пока оставить коней, заняться историей Аничкова моста.

Перекинут он через реку Фонтанку. Находится в самом центре города. Только это сейчас — в центре, а в далёкие времена Фонтанка была не центром — границей города. Постепенно начала Фонтанка застраиваться усадьбами знатных господ. Тогда и о берегах её начали заботиться: чтобы не осыпались, стали их укреплять брусками, строить причалы для лодок, обшивать досками.

Аничков мост через Фонтанку появился одним из первых. Ещё бы — на самой главной Перспективной дороге лежал! Построили его солдаты батальона Астраханского пехотного полка, где командиром был офицер Аничков. И по сей день носит мост его имя.

Невелик был мост, неказист, узок. Потому и прослужил недолго. В 1741 году Санкт-Петербург готовился встречать посольство персидского шаха Надира. Оно пешим ходом двигалось медленно через всю страну, а впереди летела весть: шах шлёт русскому царю подарки! Драгоценные камни, ковры, ткани, а главное — четырнадцать слов!

О слонах знали тогда петербуржцы лишь то, что они очень большие и очень тяжёлые. Обеспокоенный их весом, столярных дел мастер фон Болес доносил в «Канцелярию от строений», что Аничков мост находится в «немалой ветхости», доски настила на нём «насквозь пробиваются» и надобно мост чинить, «дабы в том было без опасности, и слонам не могло быть какого повреждения».

Мост отремонтировали, расширили. В 1744 году середине его сделали подъёмной. Для этого на сестрорецких заводах сработали специальную железную машину. Но сам мост оставался ещё деревянным. Да и Фонтанка всё ещё напоминала тихую деревенскую речку, а не городскую водную магистраль. Это для столицы было уже неприлично, и берега реки решили одеть в камень. В 1780 году вбили первую сваю, а девять лет спустя Фонтанка имела уже гранитную набережную длиною в три тысячи сажений.

Нам и теперь такое строительство может показаться невысказано быстрым. Всего за девять лет! Ведь в ту пору никаких и машин-то не было!

Да, быстро. Только чего это работным людям стоило!..

Всеми работами по облицовке набережных гранитом ведал подрядчик, первостатейный купец Долгов. Работу он гнал, но по отношению к работникам лют был чрезмерно. Даже современники отмечали, что купец причинял «ужасные притеснения и обиды мужикам.. С горя и нищеты они походили скорее на мертвецов, нежели на людей, без пищи и крова, со смертною бледностью на лицах, едва прикрытые какими-то лохмотьями, шатались, как привидения, по улицам...». И не выдержали строители — взбунтовались. Нет, подрядчика они не побили — тихо и мирно пошли к царице Екатерине II поведать о своей горькой доле, просить защиты от купца. Выбрали они около четырёхсот челобитчиков и послали их к Зимнему дворцу. С челобитной. Да вот ведь беда: ни один из четырёхсот царицу никогда в глаза не видывал! Стоят они на площади, какая женская головка в окне ни мелькнёт — всех за царицу принимают, поклоны бьют, челобитную показывают. И тут на них — полиция! Пешая! Конная! Современники свидетельствуют: «удалось захватить семнадцать человек, которые были тотчас отправлены под караул, в уголовный суд, с тем чтобы осуждены были в учинении скопа и сговора». Дальнейшее понятно — тюрьма да каторга.

Вот как река в гранит одевалась!

Но хорошели её берега. И тут петербуржцы увидели, что старые деревянные мосты как-то потускнели, потерялись на фоне гранитных берегов. Решили их тоже перестроить. Создан был проект единого «образцового» моста, и в 1785—1788 годах над тихой гладью Фонтанки пролегли семь каменных мостов-близнецов: Симеоновский (ныне мост Белинского), Аничков, Чернышёв (теперь мост Ломоносова), Семёновский, Измайловский и Старо-Калинкин. Все они были с каменными башенками и тяжёлыми металлическими цепями. Цепи — не только украшения: в башенках помещались механизмы, натягивающие цепи и поднимающие крылья центральной, разводной части моста. С годами каменные близнецы потеряли свой первоначальный облик. Лучшее всех сохранил его мост Ломоносова.

В 1841 году Аничков мост перестраивался вновь. Все три пролёта перекрыли каменными арками, на мост поставили чугунные литые перила, облицевали гранитом. Но — самое главное! — его решили украсить группами «Укротители коней» Петра Карловича Клодта! Пристань на Неве была уже готова, и на ней стояли огромные порфировые вазы. Их и сейчас можно увидеть над Невой, неподалёку от Медного всадника.

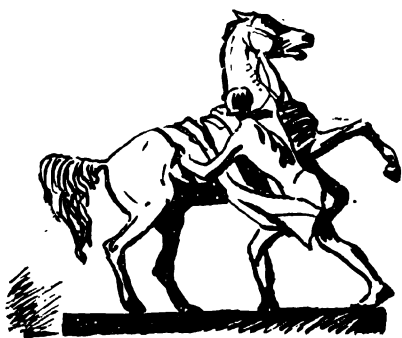
Так кони «перекочевали» с Невы на Фонтанку. Им и дальше судьба уготовила «непоседливость». Но об этом — потом...

К моменту строительства нового Аничкова моста П. К. Клодт был признанным скульптором. Уже не маленьких лошадок лепил и отливал он. В 1834 году над Нарвскими воротами взметнулись ввысь его кони «Колесницы Победы», и весь город ходил ими любоваться. Кони были неизменной любовью скульптора, делом всей его жизни. Он постоянно рисовал их. И лепил. И отливал в бронзе.

Сохранились даже имена коней, с которых создавались затем их бронзовые скульптурные портреты. Сначала это был Серко — ветеран придворной конюшни. Жил он у скульптора в Павловске, хорошо ходил в упряжке, имел спокойный нрав и охотно позировал. Позднее царь Николай I предоставил в распоряжение художника одного из своих коней — красавца Амалатбека, чистокровного арабского скакуна с тонкими ногами и маленькой головкой. Но это легко сказать: «предоставил в распоряжение»! Был Амалатбек дик и непокорен. Сколько человек пыталось укротить его нрав, всё безрезультатно! Может быть, именно из-за упрямства и попал конь к Петру Карловичу. И скульптор его укротил. Да настолько, что спокойно сажал на спину Амалатбека свою дочь, и она, как заправская наездница, то поднимала скакуна на дыбы, то останавливала на всём скаку — прямо перед отцом, сидевшим с альбомом в руках.

В 1839 году была готова первая бронзовая группа: конь с юношей, идущим рядом. Два года спустя отлили и вторую группу: юноша, схвативший коня под уздцы. В ноябре 1841 года их установили на Аничковом мосту со стороны Адмиралтейства. На противоположной стороне моста водрузили их гипсовых двойников, окрашенных под бронзу.

Петербургцы сразу же оценили великолепную работу Петра Карловича Клодта. «Новый Аничков мост,— писала газета «Северная пчела» 27 ноября 1841 года,— приводит в восхищение всех жителей Петербурга. Толпами собираются они любоваться удивительной пропорцией всех частей моста и лошадьми — смело скажем, единственными в мире». Оценено по достоинству было и художественное литьё. «Лучшего произведения в этом роде мы не знаем,— пишет современник.— По совершенству изображения и постановки фигур человека и коня и мастерской их отливке мы смело можем признать барона Клодта одним из первейших скульпторов и литейщиков нашего времени».

Два бронзовых коня украсили Невский проспект, но тут-то и проявилась их «непоседливость». Понравились они царю Николаю I, и решил он похвастаться бронзовыми конями перед королём Фридрихом. Точнее — подарить их прусскому королю. Коней сняли с пьедесталов, погрузили на борт корабля «Або» и доставили в Штеттин. Оттуда уже по сухопутью «доскакали» они до Берлина, встали напротив Королевского дворца. И там кони оказались в центре внимания. «Колоссальные группы

профессора Клодта,— писал современник,— произвели в публике широкий всеобщий восторг, подобного там никогда не было...» Петра Карловича избрали членом Академий художеств Берлина, Парижа и Рима.

Тут нам придётся «перепрыгнуть» через столетие и рассказать о том, как лживая гитлеровская пропаганда доктора Геббельса решила обмануть наш народ с помощью этих коней.

Не удалось оккупантам овладеть Ленинградом, захватить Москву. Но Геббельс попробовал одурачить наших людей. В один из дней фашистский самолёт стал разбрасывать листовки над партизанским краем Черниговщины. В листовках сообщалось, что сопротивляться «новому порядку» бессмысленно, тем более что Ленинград и Москва пали. В подтверждение этих слов в листовке была фотография клодтовских коней, стоящих возле Королевского дворца в Берлине! Обер-врач Геббельс рассчитывал, что не все советские люди знают историю памятника на Фонтанке. Но расчёт гитлеровского министра не оправдался: не поверили наши люди фотографиям, не прекратили борьбы.

А весной 1945 года, когда наши войска вошли в Берлин, встретились они с бронзовыми клодтовскими конями. Кони были закрыты слоем кирпичей и потому уцелели во время уличных боёв. Но «непоседливые» кони сразу же покинули дворцовый сад, в том же 1945 году они переехали в Западный Берлин и были установлены в Клейст-парке, около здания, в котором помещался Союзный контрольный совет.

Но вернёмся в XIX век, на Аничков мост.

На мосту алебастровые группы совсем уже обветшали. «У алебастровой фигуры лошади,— сообщал обер-полицмейстер президенту Академии художеств,— оказалась трещина, и алебастр местами начал отваливаться, отчего фигура делается безобразной. Отвалился у лошади и хвост». Полицмейстер снова пишет, предупреждает об опасности для «невинно проходящих прохожих». Наконец 9 октября 1843 года две новые бронзовые группы встали на место алебастровых. Три года простояли они спокойно, а потом тоже проявили «непоседливость». На этот раз Николай I решил отправить их в подарок королю Сицилии Фердинанду II. Другая пара бронзовых коней отправилась в длительное путешествие, чтобы встать в Неаполе у входа в дворцовый сад.

Скульптору предстояло в очередной раз повторить отливки. Только он это делать не стал, решил не копировать старые скульптуры, а создать совершенно новые, рассказывающие об укрощении дикого коня в четырех отдельных сценах.

Первая группа рассказывала о диком скакуне. Он рвётся из рук юноши, крепко держащего узда. Юноша даже опустился на колени, чтобы удержать строптивого коня. Во второй группе конь взвизгивает на дыбы, юноша уже лежит под его копытами, но узды из рук не выпускает. И конь постепенно сдаётся. В третьей группе конь подкован, юноша стоит рядом с упрямым, всё ещё пытающимся вырваться. В четвёртой группе конь и укротитель идут рядом. Борьба закончилась победой человека.

Все четыре группы появились на мосту в 1850 году и простояли почти сто лет, украшая проспект. Они уже так привыкли к своим гранитным пьедесталам, что и забыли о своей «непоседливости». Но пришла Великая Отечественная война. Враг рвался к Ленинграду.

Зима в том году выдалась ранняя, суровая. Уже в ноябре выпал снег. Пришла на мост бригада рабочих во главе с инженером Всеволодом Всеволодовичем Макаровым. Тишину опустевшего Невского проспекта нарушил рёв тяжёлого тягача. К нему была прицеплена большая платформа. Рабочие сняли конные группы, погрузили на платформу и перевезли в находящийся неподалёку Сад отдыха. Там уже были выкопаны четыре котлована. В них-то и опустили бронзовых коней, окутанных промасленными тряпками и бумагой. Котлованы засыпали. Но тут оказалось, что котлованы мелки,— головы коней торчали из них над землёю, а углублять котлованы было нельзя — не позволяли грунтовые воды. Тогда насыпали ещё земли, и над каждой конской головой выросло по холмику. Холмики обложили дёрном. Никто и не догадывался, что под четырьмя клумбами находятся знаменитые памятники. Не очень-то уютно было бронзовым коням в земле, но зато ни один осколок их не тронул.

Но пришёл май 1945-го. Над Берлином гремели залпы победного салюта, а в Ленинград пришли тихие белые ночи. В одну из таких ночей — с 1 на 2 июня — бронзовые кони возвращались на свои гранитные постаменты. Ленинградцы прослышали об этом, и тысячи их заполнили Невский проспект и набережные Фонтанки, прилегающие к мосту.

К десяти часам утра монтажники установили последнюю группу, и тогда над рекою загремело «ура!».

«Ура» в честь великой Победы, в честь стойкости города-героя, в честь искусства, в честь немеркнущей красоты Ленинграда.

НАШ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

Человек, который не забыл детства

(К 50-летию Ю. Г. ТОМИНА)

В замечательной книге о писательском труде «Золотая роза» Константин Георгиевич Паустовский сказал: «Для того чтобы писать, нужно знать очень многое. И не только природу, а технику, медицину, астрономию, геологию... Нужно уметь делать своими руками хотя бы самые простые вещи. Чем больше писатель знает, тем резче, сильнее он видит поэзию там, где её не увидит человек с малыми знаниями... Для того чтобы писать интересно, нужно самому быть интересным. Нужно создавать свою биографию».

Создавать свою биографию...

Не каждому человеку удаётся такое. Но Юрий Томин именно создавал свою биографию.

Он родился пятьдесят лет назад в Ленинграде. Ему только что «стукнуло» двенадцать лет, как началась Великая Отечественная война. Для Юры она началась эвакуацией под Сталинград. И почти сразу же снова эвакуация. Теперь уже в Горький.

Страшное это слово — эвакуация. Такое же страшное, как и сама война. Люди покидают родные места, уходя от боёв. Целыми днями стоят эшелоны на запасных путях, пропуская к фронту составы с техникой и войсками. Вокзалы и привок-

зальные площади переполнены. Пункты питания не справляются с нарастающим потоком людей. Пищу готовят прямо на кострах. Спят где придется. А впереди — неизвестность: куда, на чём?.. В такое время дети взрослеют рано и рано начинают задумываться о дальнейшей жизни.

В Горьком Юра поступил сначала в школу, а потом в ремесленное училище. Только в 1945-м он возвратился в ещё больной после блокады, израненный Ленинград. Снова школа — десятый класс. Аттестат зрелости. И вопрос — куда?

Сто путей лежало перед ним.

В каком-то журнале он прочитал рассказ о моряке дальнего плавания. У моряка были необъятные клёши, заграничная зажигалка и всегда наготове хлёсткие словечки.

Конечно же — штурманом! И Юра оказывается в Высшем мореходном училище. Но через год понимает, что ветер романтики занёс его не туда. Клёши, зажигалки, обветренное лицо — шелуха. Да и корабли — это романтика давно освоенных путей. А ему хотелось нового, ещё никому не известного.

Быть может, это новое — в физике? В тайных глубинах атомного ядра, в той самой земле, по которой

мы ходим и о безднах которой ещё ничего не знаем? И он переходит на физический факультет Ленинградского университета. Решено твёрдо — геофизика.

Нужна хорошая тренировка для будущего, закалка. А для этого — спорт. Ещё в мореходке он — один из первых в лёгкой атлетике. В университете — уже чемпион Ленинграда среди юношей. В добавление к этому — первый разряд по баскетболу и вторые разряды по волейболу и настольному теннису. Он отдавал спорту почти столько же времени, сколько и учебе. Наконец окончил физфак. И пришло то, о чём он мечтал: крайний север Западной Сибири, полевая партия, дальние неизвестные пути. На самолётах, знаменитых «шаврушках», амфибиях «Ш-2» людей и приборы забрасывали в «белые пятна» — такие места, которые в управлении знали только по аэрофотосъёмке.

Пришла работа, в которой были крепко связаны в один узел сопки, реки, пот, холод, усталость, ночёвки на голой земле и мечты. Туруханск, Игарка, Курейка, Таз, Средняя Тунгуска, Верхняя Тунгуска, Енисей...

Едва сходил снег, воздух начинал звенеть от комаров. Потом поднимался овод. Когда исчезали и те и другие, начинала неистовствовать мошка — знаменитый гнус. Болота. Покосившиеся стволы сухих лиственниц. Зеленоватая дымка душных испарений. И дни, когда проклинаешь всё на земле. И дни, когда радуешься открытию, которого ждал с таким нетерпением. Настоящая романтика брала от человека столько же, сколько давала. И эту романтику работы Юрий Тomin узнал сполна и влюбился в неё.

Три года он отдал Крайнему Северу. Стал начальником геофизической партии. Потом поступил в аспирантуру, чтобы совершенствоваться, глубже узнать свою специальность.

И тут что-то помешало ему. Это «что-то» оказалось литературой.

Рука сама просилась к бумаге, чтобы рассказать о том, что он увидел и пережил.

Кому?

Сомнений на этот счёт не было — молодым. Тем, кто только вступает в жизнь. Это важнее всего. Потому что очень часто едва повзрослевшие ребята думают, будто не осталось для них в жизни никаких уже тайн, ничего неизвестного. «Я это знаю, отстань!» Постепенно «я это знаю» становится второй натурой такого человека, и мир для него тускнеет, не остаётся в нём радости открытия, радости новизны каждого дня. А сам человек этого не замечает и становится очень скучным. Такие люди больны сомнением. Их надо учить видеть мир заново.

Первая книга писателя всегда о том, что ему ближе всего. Первая повесть Тмина — «Повесть об Атлантиде». Она — о людях прямых и отважных.

Через год появляется на свет вторая его книга — сборник рассказов «Алмазные тропы».

Так определился его путь. Тomin стал детским писателем. Впрочем, что такое «детский» писатель?

Мне кажется, что «детский» писатель — тот же самый «взрослый», только лучше иного «взрослого» понимающий ребят. Это писатель, который до конца остаётся мальчишкой, запоем читает приключения и фантастику и склонен кавантюрам в самом хорошем смысле этого слова. Короче — это человек, не забывающий своего детства.

Предельно приближаясь к юному читателю, он должен идти дорогой детства, но всегда чуточку впереди. Он должен вести ребят за собой, как ведёт их учитель. И всегда помнить, что он и есть воспитатель, наставник, советчик — старший товарищ, которому доверяют. Во всех своих произведениях Юрий Тomin — именно старший товарищ.

С 1962 года Тomin вдруг обратился к фантастике. В руках у читателей одна за другой появляются повести «Борька, я и невидимка», «Шёл по городу волшебник», «Нын-

че всё наоборот», «Восемь дней в неделю», «Карусели над городом».

Наверное, вы сразу же представили себе космические корабли, страшных чудовищ на только что открытых планетах, людей в серебристых скафандрах и чёрное небо с пронзительными, немигающими звёздами. И ошиблись.

Фантастика Томина совершенно другая — он относится к редкой категории сказочных фантастов. Если научные фантасты выдумывают и предполагают, то сказочные фантасты представляют обычную жизнь под необычным углом зрения.

Многое в нашей жизни проходит незаметным. Например, жадность. Живёт человек как человек и не подозревает, что он — самая настоящая жадина. Как показать человеку, какой он на самом деле?

И вот писатель берётся за перо и под его руками оживает сверхжадный человек.

Сначала читаешь и даже не веришь, что могут такие жить на свете. Потом присматриваешься внимательнее... Э! Да это же один из моих знакомых! Вон, даже разговор похож, и повадки такие же... Только почему он такой неприятный? Эх писатель его разрисовал! Да и фантастики никакой в книге нет, это же всё — правда!

Вот что такое сказочная фантастика.

Главная задача литературы — это исследование человека. У фантастики свои способы исследования человека. Для того чтобы глубоко проверить характер человека, заставить его полностью проявить себя, надо поставить его в ситуацию поистине необычную. А какой другой вид литературы обладает способностью создавать необычные ситуации, ставить героев в отношения неожиданные? Только фантастика.

Страна Фантастика существует не только для того, чтобы погулять по ней и насладиться приключениями. В эту страну приезжают для того, чтобы понять действительность и хорошенько в ней разобраться.

Николай ВНУКОВ

Юрий ТОМИН

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

Рисунки Ю. Шабанова

День девятый

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В субботу вечером Август Янович начал собираться.

Из старого портфеля, с которым ходил в баню, он вынул мочалку и мыло. В портфель положил два бутерброда с маслом и два с творогом. Туда же отправилась бутылка минеральной воды, стаканчик, открывалка, тёмные очки в футляре, шапочка с козырьком от солнца и надпись «Tallinn», кулёчек конфет и прозрачный плащ из полиэтилена. Сверху легло покрывало с кровати. Покрывало было жалко, но ничего более подходящего не нашлось. Подумав, парикмахер добавил ещё маленькую подушечку.

Затем Август Янович лёг спать. Завтра у него намечался тяжёлый день. Если бы он знал, какой тяжёлый...

Утром следующего дня два человека направлялись к спортивному лагерю.

Для одного из них путь этот стал уже привычным: Серёга проделывал его в третий раз. Болтаясь вокруг лагеря, он несколько раз засекал брата издали, раз десять уже его «подстрелил» и давно отметил, что брат ходит с каким-то незнакомым парнишкой. Отметил также Серёга, что, когда нет занятий, брат уводит

В ПРОШЛОМ ГОДУ наш журнал в №№ 9—12 печатал главы из новой повести Юрия Томина «Карусели над городом». Те, кто читал эти главы, помнят, что в небольшом городке Кулёминск прямо в школьную лабораторию буквально «с неба свалился» инопланетный мальчик. Свидетели этого события — учитель Алексей Палыч и его ученик Борис принимают условие мальчика — не выдавать его никому — и оказываются участниками самых необыкновенных происшествий...

«Искорка» получила от своих читателей много писем. Они писали, что повесть им понравилась, интересовались, когда можно будет прочитать её целиком, и просили напечатать хотя бы ещё одну главу.

Прежде всего сообщаем: повесть Юрия Томина «Карусели над городом» выйдет в свет в этом году в издательстве «Детская литература». Мы поздравляем писателя с 50-летним юбилеем и публикуем в этом номере ещё одну главу. Она будет понятна и старым, и новым читателям, но с небольшим пояснением. Вот оно.

Престарелый кулёминский парикмахер Август Янович очень любил совать нос в чужие дела. Поэтому в Кулёминске он знал всё обо всех и поэтому же воображал себя великим следопытом. Узнав, что Алексей Палыч и Борис прячут какого-то мальчика, он решил расследовать эту историю. Случайно Август Янович узнал, что мальчик сейчас находится в спортивном лагере вместе с Борисом.

Итак, «великий следопыт» направляется в спортивный лагерь. Но там он встречается с семилетним Серёгой, братом Бориса — храбрым «автоматчиком», «бывалым разведчиком», большим любителем поиграть в шпионов...

парнишку в тихое место возле опушки леса, и они там о чём-то подолгу беседуют.

Но наивысшим достижением и наивысшей разведчицкой гордостью было то, что брат ни разу не заметил его на территории лагеря. Серёга появлялся и там. Он прокрадывался под окнами спальни, прятался возле столовой, устраивал засады под скамейками стадиона. Серёга знал, что дают на обед и завтрак. Иногда ему удавалось подбираться к брату метров на двадцать. Но его ни разу не обнаружили, и в этом Серёга находил понятное одному ему наслаждение.

На него не обращали внимания, потому что по лагерю болталось много других малолетних: дети воспитателей, поваров, уборщиц и прочего персонала.

Вторым путешественником был Август Янович. Он не наметил определённого плана, просто хотелось взглянуть на таинственного мальчика.

Совершенно справедливо рассудив, что мальчик должен находиться в компании Бориса Куликова, Август Янович решил понаблюдать издали, под прикрытием леса.

Ему почти сразу же повезло. Территория лагеря из леса просматривалась хорошо, и среди остальных ребят он увидел Бориса и какого-то

парнишку, бредущих через стадион к лесу. Они шли по прямой. Август Янович начал пробираться опушкой.

Парикмахер никогда не увлекался прогулками по лесу. Прожив всю свою жизнь в Кулёминске, он не смог бы отличить осины от берёзы, а кукушку от дятла. Ему приходилось прогуливаться по лесным дорожкам, но всегда в лесу было то слишком прохладно, то душно. Тянуло домой.

Минут пятнадцать Август Янович потратил на преодоление ручейка, встретившегося на пути. Ручеек был шириной с полметра, и перепрыгнуть его старик не решился. Пройдясь по берегу в ту и другую сторону, он не нашёл узкого места. Пришлось разуться и закатать брюки. Но ручеек оказался глубоким. Сидя на берегу, Август Янович окунул ногу в воду, но дна достать не удалось. При этом берег под ним нехорошо пружинил и вздрагивал. Пришлось обуться и опустить штанины. Оставался один путь — по тонкой берёзе, перекинутой поперёк. Август Янович встал на колени и лёг животом на берёзу. Берёза тоже вела себя мерзко — она прогибалась, цеплялась складками коры за одежду. Внизу бушевал полуметровый поток, свалившись в который можно было и утонуть.

К счастью для Августа Яновича, когда он лёг животом на дерево,

руки его достали до противоположного берега. Таким образом, безопасность передней половины тела была уже гарантирована. Мысленно простившись с задней половиной, парикмахер судорожно подтянулся, и обе половины вновь соединились на другом берегу.

Поднявшись, Август Янович отряхнул одежду, гордо взглянул на побеждённый ручей и обнаружил, что портфель остался на той стороне.

Август Янович встал на колени и т. д. ...

Через некоторое время Август Янович всё-таки затаился на опушке, напротив того места, где сидели Борис и незнакомый парнишка. Они разговаривали, но отсюда ничего не было слышно.

Август Янович достал из портфеля покрывало, растелил его на земле под кустом, уложил подушечку, натянул на голову шапочку «Tal-lipp» и улёгся на живот.

Прошло двадцать минут. Ребята по-прежнему разговаривали. Парнишка не выделялся ничем особенным, но глаз парикмахера отметил, что его костюм и обувь были точь-в-точь такими, какие — по словам продавщицы — купил на днях Алексей Палыч.

Собственно, можно было уже уходить: всё подтвердилось. Но Августа Яновича погубила жадность — ему до смерти захотелось задать парнишке парочку контрольных вопросов. При этом он не подозревал, что беда уже нависла над ним.

Беда приближалась с другой стороны — короткими перебежками. Она перемещалась не бесшумно — хрустели сучки, шуршали под ногами прошлогодние листья, но опасности с этой стороны Август Янович не ждал. Да он и вообще не ждал никакой опасности. С другой стороны то по-пластунски, то на четвереньках приближался Серёга.

Ещё издали Серёга заметил странного старика, который притаился в кустах. Старик не просто лежал и грелся на солнце, как дачник, а почему-то выбрал тенистое, укрытое место. В позе его было нечто насто-

роженное. Он наблюдал за Борисом и его приятелем. А кепочка у него была самая подходящая — такая шпионская кепочка с козырьком; и тёмные очки — типично вражеские очки.

Серёга сжался и замер. В своей зелёной курточке и зелёных брюках он казался издали не то обомшелым камнем, не то ворохом листьев. Он не двигался, но он был живой, и в этом скоро убедится ничего не подозревающий парикмахер.

Серёга лежал спокойно. Но спокойствие было чисто внешним. Внутренне Серёга был сжат как пружина. Он застыл, словно кошка перед прыжком, и, как у кошки, напряжение его можно было заметить по лёгкому шевелению пальцев и нервному подрагиванию хвоста*. Да, не часто выпадали на долю Серёги такие счастливые минуты.

Первую гранату Серёга метнул из положения лёжа.

Боковым зрением Август Янович уловил, что сверху и наискось бесшумно падает на него какая-то птица. Инстинктивно он прикрыл ладонью глаза и покорно подставил птице затылок.

Птица почему-то не клюнула, а мягко опустилась рядом.

Раздвинув пальцы, парикмахер увидел возле подушечки черничный кустик, вырванный с корнем.

Август Янович взглянул наверх: над ним нависла крона большой сосны. Сердце парикмахера слегка трепыхалось, но он быстро взял себя в руки. Разве не бывает, что с дерева падают веточки? О том, почему сосны должны падать веточки черники, парикмахер не задумался.

Серёга переполз за другой куст и метнул вторую гранату, которая разорвалась под боком у врага. Он увидел, как шпион подпрыгнул и остался стоять на четвереньках. Очевидно, он был тяжело ранен.

Август Янович внимательно рассматривал обломок берёзовой ветки,

* Автор ничего не может с собой поделаться: он уверен, что в это мгновение у Серёги появился хвост, притом — чёрный.

свалившейся на подстилку. Затем он снова посмотрел вверх. Даже если бы парикмахеру грозила смертная казнь, он и тогда не отличил бы берёзовой ветки от сосновой.

На всякий случай Август Янович передвинул подстилку и снова улёгся.

Серёга, видя, что шпион попался не больно-то хитрый, обнаглел окончательно. Он подполз метра на три и собирался метнуть третью гранату. Но, прежде чем он это сделал, сосна, уже сама по себе, уронила шишку прямо на голую шею парикмахера.

Август Янович вскочил так резко, как не вскакивал уже лет тридцать. Нервы его были напряжены, и ему показалось, что на него валится всё дерево. Он отпрыгнул в сторону и чуть не наступил на Серёгу. Затем он обнаружил, что сосна стоит на месте, а возле его ног лежит маленький мальчик и смотрит на него — так ему показалось — с испугом.

— Господи! — сказал Август Янович. — Я чуть тебя не задавил! Ты что тут делаешь, мальчик?

— Лежу, — ответил Серёга, в котором испуга было сейчас ровно столько, сколько снега в лесу.

— Это ты в меня бросал разными

штуками? — наивно спросил Август Янович.

— Не-а... — ответил Серёга, честно глядя на парикмахера.

— А это что у тебя такое? Ружьё? Ты играешь в войну?

Серёга поднялся и, сопя, стал отряхиваться. Старик давно был ранен, взят в плен и расстрелян. Для Серёги он был уже не интересен. Но и Серёга не был нужен Августу Яновичу.

— Ты, мальчик, иди поиграй в другом месте. Я тут ещё поотдыхаю.

Надо сказать, что с детьми Август Янович не умел обращаться совершенно. Маленький рост Серёги и его честный взгляд обманули парикмахера.

— Ты хороший мальчик, — сказал Август Янович ласковым — с его точки зрения — голосом. — Я тебе дам конфетку, и ты уйдёшь. Хорошо?

Серёга сразу понял, что его покупают, но решил сначала выяснить цену.

— Шоколадная? — деловито спросил он.

— Шоколадная будет завтра. А пока возьми вот эту. «Пчёлка». Удивительно вкусно, просто ц-ц-ц, — и Август Янович поцокал, изобра-

жая, как он наслаждается конфетой.

— А вы завтра тоже придёте? — спросил Серёга, не обращая внимания на протянутую руку.

— Приду, приду, — уже несколько нетерпеливо сказал Август Янович. — Так ты не хочешь конфетку?

— Не-а, — сказал Серёга и указал головой в сторону Бориса и Феликса. — Вы за Борькой следили? Я видел.

— Ты его знаешь?

— Брат, — небрежно сказал Серёга.

В груди Августа Яновича возник лёгкий холодок, сердце прибавило оборотов.

— А второго мальчика знаешь?

— Не-а...

Август Янович решил, что счастье само плывёт в руки. Он вообразил, что из маленького Серёги не трудно сделать помощника. Ему почудилось, что этот славный маленький мальчик будет рад услужить взрослому дяде. И ещё ему показалось, что всё выйдет легче, если обставить дело таинственным образом.

— Я тебе открою тайну, — шёпотом сказал Август Янович и сделал большие глаза. — Мне нужно поговорить с тем мальчиком, но я не хочу, чтобы об этом знал твой брат. Только ты поклянись, что никому не откроешь нашу тайну.

Август Янович умышленно употребил слово «нашу», думая, что связывает этим Серёгу по рукам и ногам. Он ожидал, что Серёга прошепчет в ответ «Клянусь!» или же доверчиво возьмёт его за руку и молча кивнёт головой. Уж Август Янович знал, как ему казалось, детскую душу.

Детская душа почесала одну ногу о другую и спросила:

— А зачем клясться?

— Но это же тайна! — сказал Август Янович голосом заговорщика.

На Серёгу это не произвело никакого впечатления.

— Никакая не тайна, — сказал он. — Вы его отец, а сегодня день перодительский. Я могу его хоть сейчас позвать. Хотите?

— Не хочу, потому что я не его отец. Кто я — это большой секрет, — заявил Август Янович, таинственно зажмурился и покачал головой.

— Вы из парикмахерской? — лениво спросил Серёга.

— Да, — признался Август Янович, — но там я только работаю. А на самом деле я... Я тебе открою эту большую тайну. Но сначала скажи: ты можешь увести отсюда своего брата минут на десять?

— Могу хоть на двадцать. А зачем?

— А затем, что я...

Тут Август Янович сделал большую паузу, потому что пока ещё сам не знал, кто он такой. Сначала он хотел сказать, что он Карабас-Барабас. Это единственное, что помнилось из детства, да и то не из своего. Затем он хотел признаться, что он знаменитый сыщик, но от этого пришлось отказаться, потому что было слишком похоже на правду.

Но тут взгляд Августа Яновича упёрся в Серёгин автомат и он понял, кто он такой.

— Я — шпион, — просто сказал Август Янович. — Иностранный разведчик.

Парикмахер мог назвать себя Иванушкой-дурачком или уссурийским тигром — всё сошло бы ему с рук. Ну, повернулся бы Серёга и удалился спокойно. Но Август Янович умудрился совершить единственную из возможных ошибок.

Серёга, конечно, не поверил. Но при слове «шпион» мышцы его напряглись, а глаза выстрелили в парикмахера дуэтом. Секунду он колебался. Секунду он оценивал: что можно выжать из этого старого чудака? Дело решили тёмные очки и шапочка с иностранной надписью.

— Сыграем в шпиона? — предложил Серёга.

— А потом ты уведёшь брата? — спросил Август Янович.

— Уведу.

— Сколько играем? — осведомился Август Янович.

— Два часа, — быстро сказал Серёга.

— Двадцать минут.

— Тогда час.

— Но за час они могут уйти, — сказал Август Янович. — Давай так: играем пятнадцать минут, потом ты его уводишь. А после играем ещё сорок пять минут.

— Тогда с гранатами, — сказал Серёга.

— Хорошо, — согласился Август Янович, не знавший, на что согласился. — Что я должен делать?

— Я пойду в лес. Когда свистну, вы тоже идите.

— И всё? Так просто?

— Всё, — сказал Серёга и скрылся за кустами.

Спустя минуту из глубины леса послышался свист.

— Иду, иду, — отозвался Август Янович. — Берегись, озорник.

В детстве Августа Яновича в шпионов не играли. Играли в «салоочки», в «красных и белых», в «казачи-разбойники», в лапту, в «чижики». Современные игры Август Янович представлял себе плохо. Но поскольку этот шустрый ребёнок куда-то скрылся, то Август Янович подумал, что предстоит нечто вроде игры в прятки.

Август Янович продвигался по лесу и, желая доставить мальчику как можно больше удовольствия, приговаривал «страшным голосом»:

— Где же этот проказник? Вот я его сейчас найду!

На пути попался старый заросший окол, и парикмахер не без труда сполз в него и с трудом выполз. Слева ещё раз свистнули, совсем близко. Свист доносился как будто бы сверху, но Август Янович не обратил на это внимания.

На пути стояло толстое дерево с раздвоенным стволом; спрятаться за ним было очень удобно. Да и свист доносился оттуда.

— Где же этот негодник? До чего же он ловко спрятался! — сказал Август Янович и в ту же секунду рухнул куда-то вниз. Надо сказать, что ловушка не была запланирована. Это вообще была не ловушка, а убежище, которое Серёга оборудовал для себя ещё вчера. Сегодня он просто ловко навёл парикмахера на яму. Но

Августу Яновичу было от этого не легче.

Он сидел в яме. Наверху, в дыре, которую он пробил при падении, просвечивало недоступное голубое небо. Шапочка, зацепившаяся за сучок, приветливо помахивала козырьком. Очков на лице тоже не было.

Август Янович зашарил рукой по земле. Ладонь его нащупала какой-то холодный предмет. Предмет вдруг задёргался, выскользнул из-под ладони и молча запрыгал вокруг Августа Яновича, норовя ужалить его в лицо.

На этот раз Август Янович проявил резвость, которая была свойственна ему лет сорок назад. Когда он вскочил на ноги, края ямы оказались всего по грудь. Он вымахнул из ямы, как молодой кенгуру, вынося на плечах ворох ветвей.

На поверхности всё выглядело не таким страшным. В яме сидела вовсе не змея, а обыкновенная жаба, одна из тех, какими в детстве Августа Яновича мальчишки пользовались для сведения бородавок. Очки лежали рядом с ямой, а шапочка болталась на ветке, торчавшей из-за шивороты Августа Яновича.

Приведя себя в порядок, Август Янович осторожно продолжил путь к раздвоенному дереву. Настроение его слегка изменилось, и теперь он приговаривал уже так:

— Вот я сейчас возьму прут... Вот я покажу этому безобразнику.

Август Янович подобрал прут, подошёл к раздвоенному дереву и, хитро прищурясь, просунул прут в развилку.

В то же мгновение дерево обрушилось на него. Во всяком случае, так показалось. Что-то невероятно тяжёлое свалилось на Августа Яновича сверху. Ударило одновременно по шее, спине и как будто даже по всем внутренностям. Он распластался на земле в виде буквы «Х», раскинув руки и ноги. В затылок ему уперлось что-то твёрдое, а суровый голос сказал:

— Не шевелиться!

Куда там шевелиться! Август Янович чувствовал себя так, будто его

разобрали на части и каждая часть лежала отдельно от другой. Серёга действовал по всем правилам разведки: не стал стрелять в шпиона, а прыгнул на него с дерева, чтобы взять живым.

— Встать! Руки за голову! — приказал Серёга, слезая со спины парикмахера.

Но вставать не хотелось. Боль в спине начала утихать, земля была прохладной. То, что осталось от Августа Яновича, двигаться не хотело. Оно готово было лежать вечно.

Возле носа полз муравей, неся хвостик, и это навело парикмахера на мысль, что на свете имеется и другая жизнь, в которой можно жить просто и беззаботно.

— Мальчик, — сказал Август Янович, с трудом переворачиваясь на спину, — может быть, уже хватит? Ты меня поймал, я сдаюсь.

— Давай, давай, — сказал Серёга. — Вперёд!

— Куда вперёд? — простонал Август Янович.

Вместо ответа Серёга молча ткнул его дулом автомата в живот. Неследует думать, что Серёга был злобным и мерзким мальчишкой. Он был всего-навсего ребёнком. И, как всякий ребёнок, играл всерьёз. Ему и в

голову не приходило, что эти игры Августу Яновичу не под силу. В конце концов, тот сам назвался шпионом.

Август Янович поднялся; ощущая боль в пояснице и хруст в суставах.

— Иди вперёд! — сказал Серёга, не замечая, что перешёл на «ты».

И Август Янович пошёл. Он шёл и думал о том, что в его время дети были другие и жили проще. Так оно, наверное, и было. В семье он рос девятым ребёнком. В обед они получали на всех девять картошин, и ни у кого не было автомата на батарейках. Работать Август Янович пошёл с десяти лет. Жизнь была такая простая, что проще и не придумаешь.

«Рассказать ему о моём детстве?» — подумал Август Янович. — Вот, наверное, удивится. А что, если попробовать рассказать?»

— Мальчик, — сказал Август Янович, — ты знаешь, когда я был маленьким...

— Молчать! — отозвался Серёга.

Август Янович вздохнул и пошёл дальше. Он давно бы закончил эту игру, но ему было жалко потраченных сил: он заплатил вперёд и хотел хоть что-нибудь получить взамен. Если бы он знал, какая ещё требуется плата...

Серёга привёл его к небольшому окопу. Под дулом автомата Август Янович покорно съехал вниз на пятой точке.

— Попробуй сбежать, — сказал Серёга.

Августу Яновичу показалось, что в голосе его конвоира звучит угроза. Он встревожился. Что ещё собирается выкинуть это шустрое дитя?

— Я не буду убегать, — сказал Август Янович. — Я понимаю, сопротивление бесполезно.

Но Серёга имел в виду именно то, что сказал. Ему нужна была попытка побега.

— Не бесполезно, — сказал он. — Я отойду, а ты убегай.

Серёга закинул за спину автомат и удалился. Август Янович взглянул на часы.

— Малыш, — крикнул он, — осталось три минуты.

— Хватит, — донеслось до него.

«Что значит бежать и куда надо бежать? — подумал Август Янович, высовывая голову из окопа. — Нет, никуда не побегу. И никаких сорока пяти минут... Нехорошо обманывать ребёнка, но мне ещё хочется жить. Пусть только уведёт брата...»

Тут же Август Янович увидел какой-то предмет, приближающийся к нему по воздуху. Предмет ударился о землю метрах в двух впереди окопа. В Августа Яновича полетели песок и мелкие камешки. Он быстро присел и взглянул на часы. Осталось две с половиной минуты.

Следующий предмет ударился уже о край окопа и свалился вниз, задев козырёк шапочки. Им оказался кусок дёрна, вырванный из земли с корнями, среди которых застряли песок и камни величиной с горошину. Серьёзного вреда этот снаряд причинить не мог, но Август Янович совершенно явственно ощутил песок на зубах и за воротом рубашки.

Август Янович не стал ждать, пока очередной снаряд свалится ему на голову. Он переместился в правый конец окопа. На военном языке это называлось бы «скрытной перемёной позиции». К военному делу Ав-

густ Янович никогда отношения не имел, если не считать того, что ему дважды случилось брить генералов. Но в данном случае он действовал как заправский солдат.

Серёга был тоже гранатомётчиком не из последних. Едва Август Янович затаился в углу окопа, в стенку за его спиной вцепился третий снаряд. На этот раз песок потёк за шиворот.

«Проклятое дитя», — подумал Август Янович, переползая на четвереньках в левый конец окопа. На сей раз он был уверен, что передвижение осталось незамеченным. Но дитя и в этот раз каким-то образом угадало.

Кусок дёрна плюхнулся перед самым окопом и медленно сполз на колени Августа Яновича.

Август Янович перебрался на прежнее место и лёг на живот. Оставалась всего одна минута. Он должен был продержаться. Август Янович лежал и молил бога о том, чтобы этому сообразительному ребёнку не пришла в голову идея метать камни.

Но Серёге пришла в голову совсем другая идея. Понимая, что прямо упасть во врага, притаившегося в окопе, невозможно, он стал бросать свои снаряды круто вверх. Точность при этом резко уменьшалась, но ведь для одного шпиона достаточно и одного попадания.

К такой же мысли пришёл и Август Янович, когда кусок дёрна опустился на его спину. Осталось всего полминуты, но Август Янович вовсе не хотел, чтобы эти полминуты были последними в его жизни. И Август Янович пошёл на бессовестный обман — он обманул ребёнка.

— Время! — крикнул Август Янович. — Время кончилось! Я уже не шпион.

Август Янович выполз из окопа и сел на землю. В голове у него шумело. Он сидел и никак не мог вспомнить, зачем пришёл в этот лес.

Серёга вылез из соседнего окопа, метрах в пяти от Августа Яновича. Парикмахер тупо смотрел на мальчишку, ничего не понимая: ведь тот

на глазах у него ушёл в лес. Откуда ему было знать, что все окопы, кроме того, в котором он сидел, соединялись между собой.

— Ты маленький негодник,— сказал Август Янович. — Мы не договаривались бросаться камнями.

Серёга смотрел на него с искренним недоумением.

— Это не камни,— сказал он. — Это гранаты. Мы договаривались — с гранатами.

— Всё равно. Давай вот ты полезай в эту яму, а я буду в тебя бросать. Что ты на это скажешь?

— Давайте! — обрадовался Серёга. — Возьмите мой автомат. Смотрите, куда нажимать. Вот сюда.

Август Янович безнадежно махнул рукой. Он с трудом поднялся на ноги, подошёл к портфелю и начал укладывать вещи.

— Ну дяденька же... — сказал Серёга. — Давайте. Вы же сами сказали...

Август Янович молча закрыл портфель и, хромая, зашагал прочь.

Серёга стоял в крайней растерянности. Он в жизни не видел, чтобы взрослые могли так нахально обманывать.

— Дяденька, не уходите!

Август Янович вздрогнул и зашагал быстрее.

— Дяденька, подождите! — крикнул Серёга, идя вслед за парикмахером.

И тут Август Янович побежал. Он бежал, не выбирая дороги и довольно лихо перепрыгивая через поваленные деревья. А Серёга бежал сзади, и крик его подхлестывал Ав-

густа Яновича и прибавлял ему скорости.

— Дяденька, подождите! Да дяденька же...

Серёга вовсе не случайно пытался остановить Августа Яновича. Он просто хотел честно выполнить уговор — увести брата. Ему было совершенно непонятно, почему этот дяденька ничего от него не требует. Ведь Серёга-то пока не выполнил своего обещания...

А Август Янович уже перестал хромать. Он бежал с резвостью, которая была доступна ему тому назад лет пятьдесят. Не останавливаясь, он перемахнул через ручей, выронил портфель, на лету поймал его и побежал дальше.

Серёга отстал. Не потому, что не мог догнать парикмахера, а потому, что понял наконец: по каким-то неизвестным причинам этот дяденька играть больше не хочет.

Выбежав на лесную дорожку, Август Янович оглянулся. Никто его не преследовал. Август Янович пошёл шагом. Сердце стучало в рёбра барабанной дробью, в голове с шумом работал какой-то насос. Он уже жалел, что удрал и там же, на месте, не нарвал уши мальчишке. При этой мысли он почему-то потрогал свои уши. Они оказались на месте.

Вернувшись домой, Август Янович повалился на постель в одежде и проспал до следующего утра на одном боку, даже не шевельнувшись.

С этого дня, когда в парикмахерской заходила речь о детях, Август Янович говорил:

— Дети? Разве в наше время есть дети? Все они сплошные разбойники!

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Олег Бундур по профессии врач, ему 30 лет. Детские стихи начал писать для своей дочки Маринки, ей уже 6 лет. Журналу «Искорка» предлагает только те стихи, которые получили одобрение у дочери.

В журнале «Искорка» Олег Бундур печатался неоднократно. Сейчас мы предлагаем новую подборку его стихов.

Олег Бундур — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада.

Олег БУНДУР

КАК ДЕЛАЮТ НОЧЬ?

А очень просто:
Выходит дядя большого роста —
Ужасно грустный,
Ужасно старый,
Он закрывает
На небе ставень.
Закроет ставень —
Вздремнёт минутку,
А после встанет —
Раскурит трубку,

ВКУСНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Воскресенье — длинный день.
Воскресенье — блинный день.
Воскресенье — воз везенья,
Воскресенья так нужны,
Потому что в воскресенье
Мама делает блины,
Папа чашки к чаю моет,
Вытираем их вдвоём,

ЧТО БЫВАЕТ УТРОМ

Домá просыпаются
Раньше людей
И смотрят они:
А какой будет день?
И если погожий
И солнечный будет,
То тут же дома
Всех жильцов своих будят:
Все форточки — настежь!
И двери стучат,
«Ну что же вы, сони,
Вставайте», —

ворчат.

А если же дождик,
И ветер к тому же,

А ночь огромна, а ночь темна,
Но светит трубка его —
луна,
Из трубки искры — на небе
звёзды.

Я ж говорил вам:
всё очень просто.

А потом мы всей семьёю
Пьём чай, блины жуём.
А из радио нам — песни!
Солнце в окна — будь здоров!
Хорошо, когда мы вместе,
Даже если нет блинов!

И возле парадной
Огромные лужи —
Не хлопают двери
И пусто в окошках,
И шепчут дома:
«Подремлите немножко...»
Видать, и сегодня
Погода плохая:
Глаза я открою,
И — вновь засыпаю...

Рис. Л. Коломейцевой

ТАК РОДИЛАСЬ БЕДА

В середине смены вожатая Галя собрала мальчишек пятого отряда и объявила им:

— Скоро будет соревнование туристов, ребята. Поэтому выслушайте меня. Нам надо создать команду из четырёх человек.

Договорить ей не дали. Все загалдели, закричали, чтобы попасть в команду. Каждый подумал, что он турист не хуже других. Получились споры, шум, неразбериха, а толку никакого. Один мальчик вообще упал с веранды прямо на землю. Причём даже кувырком через перила. Ну, тогда уж Галя прикрикнула:

— Ещё секунда — и всё отменяется!

После этого народ, конечно, образумился, притих. Без паники и возни назначили ребята старшиной туристов бойкого Сашу Смоляка. В его команду выбрали троих из первого звена. Среди этих троих оказался Коля Климов — ничего себе парень, хотя не какой-нибудь там герой или силач. Просто он был не очень активный в лагере, вот Галя и предложила его кандидатуру. А ребята подумали: «Ладно, пускай...»

После полдника туристы нашли себе местечко, и началась у них тренировка, подготовка, то да сё — с палаткой, с дровами, с котелком. А потом вдруг перед Галей появился Коля Климов, весь мрачный и злой:

— Не хочу быть в команде! С ними не хочу...

Вожатая, конечно, удивилась, спросила, в чём дело, почему?

— Так, — сказал ей Коля, а больше ни слова не сказал.

Вместо него сразу возник другой парень. Он побежал тренироваться и готовиться, и никто ничего не заподозрил тогда... И когда наступил день соревнования, ребята опять ничего не заподозрили. Все пошли к озеру и смотрели, и болели за своих. И тут у всех на глазах произошла

полная победа. То есть команда Саши Смоляка дала рекорды везде, где только можно. Она быстрее других поставила палатку. Потом в минуту запалила костёр. И вода у Сашкиных туристов закипела, забулжила гораздо раньше, чем у соперников. Просто поразительно!

— Ура! — голосил на всю округу ликующий пятый отряд. — Ура, ура! Да здравствует наша команда!

Но был там один, который не кричал, не восторгался. Это был сердитый и молчаливый Коля Климов. Он и после весь день ходил такой же. А вечером, когда укладывались спать, всплыла серьёзная причина...

Сначала-то всё было хорошо. Туристы и болельщики радовались успеху, обсуждали соревнование. Саша Смоляк, например, говорил:

— Здорово мы их, мы их с умом! Руки руками, конечно, только и голову надо иметь. Мы и у старших отрядов могли бы запросто выиграть. Потому что голову надо иметь, а не тыкву...

Его команда смеялась при этом. Остальные просто слушали с удовольствием. Но внезапно кто-то буркнул сердито:

— Совесть надо иметь!..

Ребята сперва не обратили на это внимания. Но вышло так, что Сашка сам заварил кашу. Он повернулся на возглас и сказал при всём народе:

— Злишься, Климов?

Коля Климов презрительно фыркнул, однако смолчал. Тогда сунулся ещё один турист. Он добавил:

— Завидуешь, Климов? Сбежал из команды, а теперь завидуешь и злишься. Мы-то стали чемпионами, а ты — с носом...

Тут и грянул в первом звене жуткий скандал. Потому что Коля действительно разозлился по-настоящему и крикнул во весь голос:

— Жулики вы, а не чемпионы! Обманщики!

— Молчи, трус! — крикнули в ответ ему туристы. — Испугался с нами, ну и помалкивай давай!

Но Коля больше молчать не желал. Да и невозможно стало. Другие ребята заподозрили неладное, заволновались. Они хотели узнать, чего не знали. Звеньевой Чудаков так и выразился:

— Смоляк! Мы настаиваем и требуем. Что за секреты в коллективе? Почему он говорит, что вы жулики? Почему вы говорите, что он трус?

И вот тогда начала проясняться странная история. Оказалось, команда туристов решила победить любой ценой. Для своего звена, для всего отряда старались, — объяснял Сашка. Что в этом плохого? Ничего. Но как быть, чтобы наверняка одолеть соперников? Пошли на хитрость и на риск. Короче говоря, колышки в палатке были привязаны заранее. Сучки и щепки для костра вымочены в бензине, спрятаны по карманам до нужного момента. А в воду, чтобы скорей закипела, сыпанули незаметно щепотку соли. Вот вам и рекорд!

— Разве не здорово? — похвастал под конец Сашка. — С умом и со смелым риском! А этот Климов побоялся, убежал.

В тот же миг всё первое звено зашумело, как по команде. Кто что доказывал, было не понять, зато гвалт был — только держись. Он долетел до Галиных ушей, конечно. И она примчалась в палату, чтобы навести порядок и сон.

— Кому охота постоять на веранде? — припугнула вожатая. — Полчаса как отбой! Кому здесь не спится, ну?

После этого люди закутались в одеяла, приняли вид, что спится прекрасно. Только вожатая не поверила и не ушла. И пока она тут сидела, многие крепко задумались в тишине наедине с собой. Они лежали в постелях и думали, думали...

Ведь что получается? Получается сплошная неразбериха. Сапа Смоляк и его команда самоотверженно рисковали, а превратились в обманщиков, как ни верти. Коля Климов вроде бы испугался хитрости, а теперь выходит — он честный человек. Ну, а кто из них прав на самом деле? Как найти точный ответ на всё это? Некоторые ребята просто почувствовали, что стоят за Колю Климова.. Другие, наоборот, всей душой оказались за туристов. И когда Галя наконец ушла, тогда поднялось одно одеяло, то есть фигура под одеялом, конечно, и эта фигура голосом Чудакова сказала:

— Тихо! Как звеньевой я приказываю: тихо! И выражаю свое мнение. Мнение такое: после драки кулаками не машут. Не относить же нам наградной вымпел куда-нибудь в штаб...

— Почему бы и нет? — шепотом отозвался Коля Климов.

— В самом деле, — поддержал его кто-то в потёмках.

— А чего, — добавил ещё один невидимый, — извиниться и переиграть по-честному. Может, мы и по-честному прбедим.

Тогда во всех концах спальни зашипели, загудели, хотя не громко, но решительно:

— Позорный вымпел! Незаслуженный! Лучше никакого!

— А те пускай не хлопали бы ушами!

— Мы хотели как лучше!

— Честь отряда вам недорого!..

А кому она недорого — опять неизвестно. То ли тем, которые на весь лагерь осрамиться готовы, признавшись в обмане? То ли тем, кто хочет избежать постыдной огласки и всё замять? Поступок туристов теперь уже все осуждали — совершили они его зря. Даже сами туристы признались, что сплеховали и нажили в соревновании, поддавшись азарту. Но дело сделано, его не воротить. А вот как быть теперь?

— Слушай меня! — сказал в результате всего звеньевой Чудаков. — Объявляю наше общее решение. Придётся молчать...

— Это не общее, а твоё решение, — возразил Коля Климов.

— Тогда голосуем, — сказал звеньевой.

— Ладно, — сказал Коля, — давай посмотрим.

Смотреть в темноте было, конечно, некуда, кроме как в темноту. И ребята проголосовали на слух. Каждый со своей кровати говорил «да» или «нет», а Чудаков тем временем подсчитывал. За то, чтобы повиниться и отдать вымпел, оказалось трое, а восемь человек были против.

Ну, тогда уж Коле пришлось согласиться с большинством:

— Я хоть и против, но подчиняюсь. Против звена я не пойду.

Чудаков сказал:

— Значит, закон! Неприятно, да выхода нету. А кто проболтается, тому несдобровать! Учитель!

Ребята это учили, конечно. Зато не учили, какая серьёзная опасность возникает, когда кривишь душой. Они думали: мелочь, пустяк, сойдёт как-нибудь, не запомнится. Но в таких делах мелочей не бывает. Большие беды часто начинаются с мелочей.

Уже на следующий день вожатая узнала тайну первого звена и сообщила всё воспитательнице Вере Ивановне. Вдвоем они подробно обсудили положение, потом задумали педагогический подход. Вера Ивановна сказала тогда:

— Мне кажется, свой трюк ребята проделали несознательно. Спортивный азарт, фокусничество... Поэтому давайте, Галя, подождём. Пройдёт день-два — у них заговорит совесть. И пусть лучше она сама заговорит, а не по принуждению...

Галя согласилась с воспитательницей. Но потом Галя не вытерпела ожидания, немного поспешила. Она, конечно, не стала кричать: «как не стыдно» и тому подобное. Она попробовала тихо воздействовать на ребят, чтобы их совесть пробудилась скорее. И вот, проходя мимо туристов, которые сидели как раз под стендом, где висел злополучный вымпел, Галя пробормотала с намёком и с хитрым лицом:

— Что такое? От кого-то бензином пахнет...

При этом она многозначительно посмотрела на вымпел. Туристы сразу поняли намёк, но только по-своему.

— Предатель несчастный!..

— Ты думаешь, Климов?

— А кто же ещё? Больше некому. Ладно, ребятам проболтался бы, а он — прямо вожатой!..

Что было делать? Хочешь не хочешь, а предателя надо проучить. Бросились искать Чудакова, потом полетели на расправу с Колей Климовым. Нашли его в кружке «Умелые руки», вызвали и надавали ему пощём зря, не слушая никаких объяснений...

Когда вожатая встретила Колю на ужине, то ничего не поняла. Она стала расспрашивать про синяки и царапины, но Коля не давал ответа. Позднее Галя узнала от девочек, которые всё видели, что колотили Климова ребята из первого звена, и поэтому вожатая сделала неправильный вывод. Перед сном она подошла и заговорила с Колей, будто просто так:

— Климов, ты не мог бы поменяться местами с Кузнецовым из второго звена? У него товарищ в вашей палате и он...

— Мне всё равно, — не дослушав, сказал Коля.

— Тогда давай сейчас перенесём твою постель.

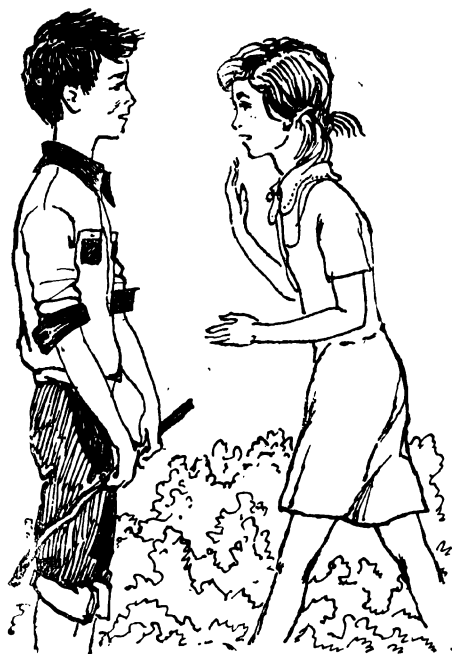
— Мне всё равно, — повторил Коля, и переселение состоялось.

Но кто мог угадать или предположить, что за этим потянется?.. Галя хотела как лучше, а вышло плохо, совсем плохо. Потому что во втором звене нашлись и горячие головы, и слишком энергичные люди с пылким воображением. К тому времени про Климова уже шушукались повсюду: ябеда он и подлый предатель. Горячие головы, не долго думал, вот что придумали: когда в палате выключили свет, они навалились на Колю и настукали, как могли.

— За что? — кричал он. — За что?!

— Сам знаешь, — отвечали ему.

Потом Коля Климов лежал в темноте и плакал про себя. Нет, было не больно, не так уж сильно досталось ему. Но до того обидно было! Ну, действительно, — за что? В чём он виноват перед мальчишками? Не пожелал добиваться жульнической победы? Вывел обманщиков на чистую воду — в этом вина?

Теперь видите, до чего всё дошло?

Ну, а дальше — больше, совсем беда. Среди дня хватились, что Коли Климова нет в отряде. Искали, искали — не нашли. Вообще нигде не нашли, на всей территории лагеря. Тут уж Галя встревожилась не на шутку. Собрала она первое звено, заговорила чуть не плача:

— Что происходит? Вы долго намерены молчать? За что били Климова, отвечайте!

Тогда мальчишки выразительно посмотрели на звеньевую, а звеньевой посмотрел на них. Потом они все ещё выразительней усталились на старшину туристов Сашу Смоляка, и тот, наконец, сказал:

— Наябедничал он, предал, донёс...

— Про бензин, про ваше мошенничество?

— Да, — сказал Саша и спрятал глаза.

А Галя сказала:

— Так это не он, не он выдавал! Неужели всё из-за этого?..

Что тут было — не передать! Мальчишки всполошились, закричали друг на друга. Но какой толк виноватых искать, когда надо искать Колю Климова.

— Вы представьте, как ему плохо сейчас! — в панике твердила вожатая. — Ни за что, ни про что... Вы только представьте!..

Ребята попробовали представить: «Где Коля? Что с ним? Убежал совсем из лагеря? А может, утонул или погиб?» От подобных картин многим стало не по себе, а у некоторых даже мурашки заходили под кожей. А вожатая Галя закрыла ладонями своё лицо, побрела неизвестно куда, спотыкаясь на ровном месте.

Далее события складывались так. Весь лагерь охватило чрезвычайное положение и тревога. Старшие отряды отправились на поиски в лес. Воспитательница Вера Ивановна уехала выяснять про Колю в городе. Сам начальник лагеря отложил все дела и беспрерывно звонил по телефону. Он спрашивал: «Не попался ли где-нибудь под руку милиции мальчик двенадцати лет, сильно расстроенный, в клетчатой рубашке и зелёных шортах?» Но повсюду говорили, что нет, ещё не попался, подождите...

Так прошёл час, другой, наступил вечер.

Но вот внезапно подскочила к Чудакову Марина из третьего звена:

— Это я... Это я... Это я шепнула Гале...

— Ты?! А тебе кто сказал?

— Вера Бабочкина, — проплакала Марина.

После этого звеньевой Чудаков подхватил кое-кого из своих, и они побежали по горячим следам. Сперва поймали Бабочкину и узнали, от кого она узнала тайну. Потом нашли рыжую Верку, за ней Ушанову, Клепикову — всех сплетниц по цепочке. А потом, наконец, достигли предела, то есть дошли до Люды Небрежной из четвёртого звена. Это фамилия у неё такая была, а сама-то она девчонка ничего, красивая. К тому

же, смелая и неглупая, многие мальчишки её уважали. Обступили её со всех сторон, закричали:

— Признавайся немедленно, кто тебе про туристов сказал?

Люда Небрежная очень странно посмотрела на Сашу Смоляка, который здесь присутствовал, потом ответила:

— Я признаться не могу, я слово дала...

— Климову?

— Нет, не ему. Про это не волнуйтесь.

— Как не волноваться? — пуще прежнего закричали мальчишки. — Человека побили, а предатель живёт среди нас!..

— Я не предатель! — вдруг раздался громкий возглас. — Я по секрету ей одной сказал! Я не виноват, она растрезвонила!..

Сначала все вокруг онемели, остолбенели, потому что возглас, который раздался, был возгласом Сашки Смоляка, старшины туристов.

— Ты?! Ну и подлец! Значит ты, а не Климов?

— Виноват, а его же колотил!

— Дадим ему, пока не поздно!

После этих криков на Сашу Смоляка стало жалко смотреть. Хотя его ещё пальцем не тронули, но он стоял как побитый. Он ведь и правда не мог предположить, что тайна до Гали докатится. Думал, Люда Небрежная не сболтнёт. А она думала так же про свою подругу Клепикову... Короче говоря, всё перемешалось, перепуталось в невообразимый клубок. Одно было ясно некоторым из первого звена: «Смоляка надо вздуть без промедления». Эти некоторые уже подступили к нему с кулаками. Но тут звеньевой Чудаков закричал:

— Отставить! Хватит! Наломали дров, не будем доламывать!

Потом повернулся к Сашке:

— А ты сгинь с глаз долой! Уйди, мы тебя презираем сегодня...

Сашка сгорбился, как крючок, и попятился и убежал. Люда Небрежная почему-то заплакала и тоже убежала. А другие ребята во главе с Чудаковым остались на месте, не зная, что делать дальше.

Вот тогда один мальчик сказал:

— Не пора ли отнести туристический вымпел в штаб?..

— Да, — сразу сказали многие, — пора. Так жить на свете нельзя. Пойдём и доложим по совести, будь что будет...

Они собрались для храбрости большой гурьбой и сходили к начальнику лагеря и признали вину. Единогласно признали. Даже Саша Смоляк покался в штабе от всей души. Обо всём этом объявили со строгостью на вечерней линейке. Потом ещё повесили на столовой «Крокодил» с позорными рисунками и стихами про пятый отряд: какие они липовые туристы. В общем, сраму было — хуже некуда, на весь мир!.. Но ребята понимали, что по заслугам.

На следующий день позвонила из города Вера Ивановна и сообщила плохие новости. Она сказала, что мальчик явился домой, но родители тут же его наказали, не разобравшись в причинах. Мать взяла Колю за руку, потащила на вокзал, чтобы вместе ехать в лагерь. По пути он упирался и кричал непонятные слова. Ещё он плакал и сопротивлялся. А потом он вырвался у неё и мгновенно исчез в толпе. Причём исчез так, что милиция за весь день его не отыскала.

— Он дома не ночевал, — убито рассказывала Галя. — Он прислал записку, что никогда не вернётся домой. О господи!..

После этих известий самые страшные мысли полезли ребятам во взбудораженные головы. Одни вообразили Колю в компании закоренелых воров... Другие представили, как он едет под вагоном прямо в Ташкент — грязный, оборванный, исхудалый, без билета... Третьи — уж не стоит и

говорить, что подумали они... Но всем без исключения пришло на ум похожее: парень погибнет, если только не вмешаться. И тогда ребята закричали наперебой:

— Надо действовать!

— По радио и по телевизору объявить!

— Искать всем отрядом в городе!

— Нет, — возразила на это вожатая, — бросьте ваши фантазии. Не сегодня завтра Климова приведут домой, не таких задерживают в два счёта. Но вся беда в том, что он не хочет возвращаться сюда. Вот и подумайте, как быть, чтобы он захотел вернуться?

Ребята, конечно, подумали.

— Может, письмо?..

Вожатая Галя сразу кивнула головой: мол, хорошо. Но вслед за тем кое-кто начал спрашивать, а как писать, куда писать, если Климова нету в помине.

Галя пояснила:

— Не беспокойтесь, дойдёт. Я позабочусь: письмо вручат Коле, как только найдут. Ну, а насчёт содержания — вам лучше знать, за что извиняться, что ему обещать. И не забудьте про выппел, конечно.

С этими словами Галя ушла, а ребята кинулись на веранду, мгновенно достали письменные принадлежности. И стали они придумывать это особое послание. Вот что у них получилось:

«Здравствуй, дорогой наш товарищ Коля! Мы всё поняли теперь и признаём, что были дураки. Это мы поступали плохо, а не ты. А ты сознательный и честный человек. Мы тебя уважаем. Позорный выппел отнесли в штаб. Туристов нарисовали в сатирический «Крокодил», так что всё в порядке. Смоляк обещает исправиться. Ты его прости. Нас тоже прости, потому что не со зла, а нечаянно получилось. И второе звено просит прощения. Теперь всё известно, и ты приезжай. Будешь старшиной туристов, мы решили. И мы тебя дружелюбно ждём. Ещё раз — приезжай скорей. С пионерским приветом — пятый отряд, весь по списку».

Когда чтение кончилось, ребята хором согласились, что правильно сказано. Так и запечатать в конверт, без поправок.

Потом они начали подходить по одному и ставить на листке свои фамилии. Многие при этом радостно улыбались, а некоторые расписывались задумчиво и осторожно. Тем временем в очереди к столу подошла очень задумчивая девочка. Она сказала:

— У нас дома ваза была — огромная, китайская, красивая... Однажды я её разбила, а папа не растерялся и склеил черепки. Опять стала красивая ваза, да... И никому ничего не видно. Никакому гостю. Но если задуматься, то можно понять..

Эту девочку перебили, не поняли, а может, не захотели понять. Ведь всё наконец благополучно улаживалось! Осталось только немного потерпеть, подождать. А там, глядишь, нагрянет Климов и — точка, беда исчерпана. Поэтому Чудаков, например, сказал:

— Ну ладно. Нет худа без добра...

А другой сказал:

— Лучше поздно, чем никогда...

А ещё кто-то добавил:

— На ошибках учатся...

Что ж, спору нет: на ошибках, действительно, учатся. Одни — на своих, другие — на чужих. Никто ведь не станет повторять ошибку, которая ему известна. Для того и рассказана эта история.

Ну, а Климов?

Ровно через день он приехал обратно в лагерь...

Ян Бжехва — замечательный польский поэт, любимец детворы. «Учителем радости» зовут Яна Бжехву, потому что стихи его наполнены весельем, здоровьем, счастьем.

«Искорка» рада напечатать новые переводы Яна Бжехвы в год, когда Польская Народная Республика празднует 35-летнюю годовщину освобождения своей страны.

ЯН БЖЕХВА

Рисунки Г. Моисеевой

НА ОСТРОВЕ БЕРГАМОТ

На острове Бергамот
Живёт голубой бегемот.
Ещё там живёт жирафа
Внутри зеркального шкафа.
И видели там осла,
Которого утка снесла.
Там зреют на яблонях шишки,
Драчливые, как мальчишки,

И водятся в речке опёнки,
Смешливые, как девчонки.
Там слева на дереве кит,
Свернувшись калачиком, спит.
Там справа на дереве кот
Котятам сапожки шьёт,
А кошка читает газету,
Жаль... острова этого нету.

ЭНТЛИЧЕК- ПЕНТЛИЧЕК

Энтличек-пентличек, тонкие

ножки.

Красное яблоко в жёлтом лукошке,
В яблоке этом живёт червячок,
Ярко-зелёный на нём пиджачок.
Молвил червяк: «И отец мой,

и дед

Яблочки ели всегда на обед,
Я же котлету хочу отбивную —
Можно баранью, а можно свиную».
В город пошёл он, неделю шагал.
Вот в ресторанный

заходит он зал,

Официант говорит ему: «Съешьте
Кнели из яблок и яблоки в тесте,
Яблочный пудинг, шарики,

омлет.

Нынче в меню у нас нету котлет».
Где же твоя, червячок, отбивная?
Очень история вышла смешная,
Зря истоптал ты в дороге

сапожки,

Энтличек-пентличек, тонкие

ножки.

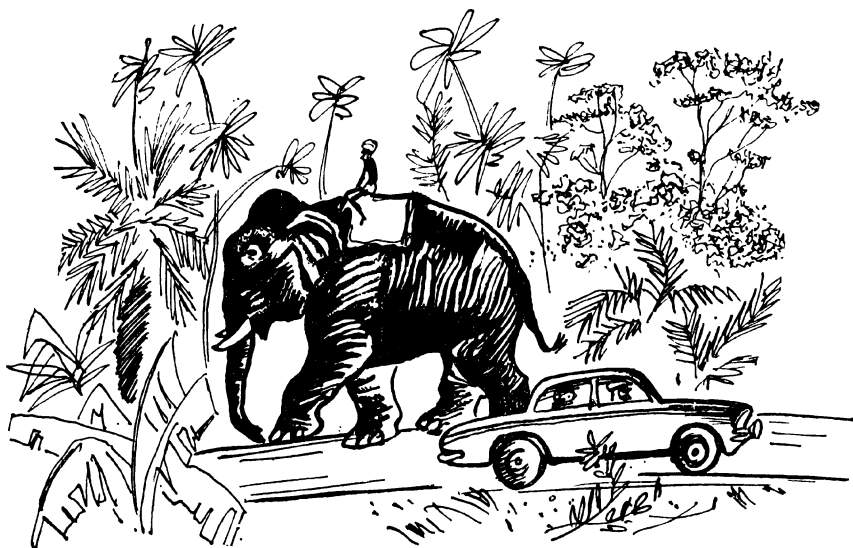
КОРОЛЬ И ШУТ

*Жил-был король когда-то,
Что шёл в свои палаты,
Не вытирая ног,
Хоть вытирать бы мог.
Напрасно камергеры
Изыскивали меры,
Как сделать, чтоб дворец
Стал чистым наконец.
И фрейлины в печали
Вздыхали, но молчали.
Как скажешь королю:
«Я грязи не люблю»?
Король встал в воскресенье
В прескверном настроеньи
И приказал: «Чтоб тут
Сейчас же был мой шут!»
Сказал шуту, вздыхая,
Король: «Тоска такая
Уже четыре дня...
Развесели меня».
Шут усмехнулся хитро.
«Ты прежде ноги вытри.
Ты б за собой следил:
Гляди, как наследил».
Король вскричал сначала:
«Эй, стража, взять нажала!»*

*Но после, помолчав,
Сказал: «А ты ведь прав.
И вправду безобразье:
Я столько всякой грязи
Домой тащу всегда...
Эй, слуги, все сюда!
Половики несите,
У входа их стелите!
А кто не вытрет ног,
Того сажать в острог!
Входя в мои чертоги,
Пусть каждый вытрет ноги,
Хоть герцог он, хоть князь —
Вредит здоровью грязь».
Читатель, на пороге
Ты тоже вытри ноги,
А коль забыл о том,
Тебя не впустим в дом.*

Перевёл с польского
Л. ЦЫВЬЯН

СЛОНЫ ПОД ОБЛАКАМИ

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Индия приходит в нашу жизнь «Книгой джунглей». На первой её странице—портрет автора. Небольшого роста, сумрачный, с коротко подстриженными усами офицер английской колониальной армии Редьярд Киплинг. Он первый рассказал мне о громадной, покрытой непроходимыми лесами стране у экватора. Населил эту страну животными, которые, как люди, умели разговаривать, любить и ненавидеть. Поведал о мальчике, которого вскормили волки.

Маугли...

Машина мчит по равнине, по красноватой земле, нарезанной на одинаковые крошечные дольки. Никаких лесов—их давно уже нет. Полуголые крестьяне попускают белых быков с тонкими рогами, вы-

крашенными в красный и голубой цвет. Быки волочат крошечные плуги.

Ослепительное солнце плавит асфальт шоссе. Курится красным дымком борозда под лемехом. Жаром несёт от крыши и дверей автомобиля. Встречный ветер, врываясь в кабину, обжигает лицо.

Красная пыль ложится на газетные листы. Я перебираю вырезки. Их я сделал ещё в Ленинграде. Это—свидетельства очевидцев: встречи с новыми Маугли. Журналист видел в индийской деревне двух девочек 8 и 12 лет. Их нашли в джунглях. Обе не умели говорить и ходили на четвереньках. Младшая умерла, осталась старшая. С фотографии смотрит детское испуганное лицо. Всклопоченные, никогда не знавшие гребня волосы. Снимок сделан сверху—девочка стоит на полу по-звериному на четвереньках.

Автомобиль летит мимо бесконечных полей и селений. Одна деревня, не кончаясь, переходит в другую.

Ручеёк гигантской реки по имени Индия течёт мимо нас.

МАНГУСТА И КОБРЫ

Бомбей гремел и стучал, визжал автомобильными тормозами, стонал сиренами электропоездов.

И неожиданно для нас воцарилась тишина: это, спасаясь от жары, мы зашли в маленький скверик.

Стояла толпа. Люди чего-то ждали. В центре сидел, поджав ноги, смуглый человек в серой чалме. В руке он держал длинную дудку с медным наконечником. Перед музыкантом стояли две плоские плетёные, закрытые круглыми крышками корзины. Рядом смуглый мальчишка держал на поводке зверька, величиной с кошку, с острой хищной мордочкой и подвижными жёлтыми глазами.

Это была мангуста.

Мы попали на представление укротителя змей!

Не отпуская мангусту с поводка, мальчик обошёл толпу. В руке он держал деревянную чашечку. Застучали монеты. Я бросил синюю хрустящую бумажку. Мальчишка радостно заулыбался. Право снимать было куплено — я вытащил из сумки фотоаппарат. Сейчас произойдёт то, о чём я мечтал с самого детства, — я увижу сражение мангусты с коброй.

Мужчина резким движением сбросил крышку с одной из корзин. Оттуда, как пружина, взвилась и закачалась на хвосте большая коричневая змея. Она качалась, ослеплённая светом, поблёскивая кожей.

Укротитель змей направил дудку прямо на змею, та отпрянула, на шее у неё раздулась плоская, украшенная тёмным иероглифом кожная складка — капюшон. Ещё се-

кунда, и змея выскользнула из корзинки. Она очутилась на заранее расстеленном грязном коврике, свернулась ещё для одного броска, но в этот момент мужчина заиграл.

Кобра поднималась, когда поднималась дудка, и сворачивалась, опускалась, когда дудка шла вниз. Мужчина описал дудкой круг, и змея послушно повторила его движение.

У меня вспотели руки. Что же я делаю? Почему стою неподвижно? Немедленно снимать! Я пробился в первый ряд, — люди вежливо уступили место, — поднёс аппарат к глазам, поймал в окошечко видеискателя извивающееся тело змеи и нажал спуск. Снимок... ещё... ещё...

Внезапно факир опустил дудку. Быстрым движением он схватил змею поперёк тела, швырнул её в корзинку и захлопнул крышку.

Теперь вперёд вышел мальчик с мангустой. Мужчина снял крышку со второй корзинки. Оттуда ещё более стремительно вылетела вторая кобра. Извиваясь, она ползла к толпе. Но к ней уже спешил мальчик. Мангуста тянула его, едва не обрывая поводок. Она налетела на кобру, сбила её в пыль, перевернула и мёртвой хваткой вцепилась в горло.

Всё было кончено. Мальчик пошёл по кругу, таща за собой упирающегося зверька. Возбуждённая мангуста скалила зубы и смотрела на нас безумными глазами.

Толпа радостно гудела, в чашечку посыпались монеты.

Мальчишка нёс и змею, голова её была в крови, через разорванную кожу белело мясо. Он показывал её всем — убедитесь, как чисто сделано дело!

Ошеломлённый, я выбрался из толпы.

Тишина лопнула с тихим звоном. Шум большого города снова обрушился на меня.

Из потока автомобилей вынырнула машина. Скрипнув тормозами, она остановилась рядом со мной. В этот день мы уезжали на самый юг Индии, в штат Керала, в заповедник на озеро Периар.

СЛОНЫ ПОД ОБЛАКАМИ

Утром, когда мы встали, туман ещё белыми волнами гулял над озером, выкатывался на острова, цеплялся белыми косами за верхушки деревьев. Потом на востоке порозовело, оттуда прорвался солнечный луч, тёмная луговина вспыхнула зелёным огнём. Оседая, теряясь в деревьях, туман исчез.

Внизу, у воды, затарахтел лодочный мотор. Моторист был точен...

Мы плыли, тихо постукивал мотор. Я напряжённо всматривался в берег: за каждым кустом, за каждым поворотом нас могло ожидать что-то диковинное.

Увы! Зверей было очень мало. Вот несколько кабанов выбежали к воде. Вот вышел на водопой дикий бык. Он посмотрел на лодку, тряхнул рогами и скрылся в кустах.

Я вспомнил, что Периар знаменит своими слонами.

— А где же слоны? — спросил я.

Моторист вылез из рубки, прикрыл ладонью глаза и ткнул пальцем куда-то вперёд и вверх.

— Вот они... И вот... И вот!

Где? Впереди никого не было видно. Выше на холмах, в редколесье — тоже. Дальше поднимались горы. Их вершины тонули в тумане. Не там же искать лесных великанов!

Но что это? Там, где в зелёной альпийской траве плавали дымные клочья облаков, медленно двигались какие-то красные пятна.

Это были слоны! Огромные животные бродили по крутому горному склону...

Облачная линия задрожала и опустилась. Склон горы, покрытый зелёным травяным ковром, исчез. Остались видны только огромные животные. Я поднёс к глазам бинокль — красные слоны плавали в небе, то скрываясь в облаках, то появляясь вновь.

В бинокле возникла большая птица. Коричневый орёл слетел к воде, прыжками, словно кенгуру, пробежал по берегу, жадно раскрыл крючковатый клюв, зачерпнул воды. Подбросил воду, поймал на лету, проглотил. Увидав наш катер, неуклюже, едва не задев землю, взмахнул крыльями. Долго летел у самой земли, потом круто взмыл вверх и потерялся на фоне гор.

Мы возвращались домой.

Заметив, что я огорчён, моторист спросил:

— Вам не понравилось у нас?

— Честно говоря, я ничего не понял: мы на воде, слоны где-то в облаках...

— Если лесник Джекоб здесь, я попрошу его. Он отвезёт вас в лес.

ЛЕСНИК ДЖЕКОБ

На рассвете в дверь осторожно постучали. Около дома стоял сухонький маленький человек в белой рубашке навыпуск и босиком.

— Джекоб. Я пришёл, — серьёзно сказал он.

Я засуетился, собирая катушки с плёнками, аппарат, а лесник исчез и появился снова минут через десять. Теперь на нём была форменная рубашка цвета хаки с погончиками, такие же шорты. На ногах сандалии, в руке изогнутый тяжёлый нож с крючком на конце.

Мы перебрались через ров. Стайка кабанов, возившаяся в нём, с визгом пустилась наутёк.

— Скажите, есть в заповеднике тигры, Джекоб?

Лесник сначала пожал плечами.

— Я покажу след тигра, — подумав, пообещал он.

Мы углубились в лес. Под тенью огромных деревьев пластами лежала сухая листва, под ней чавкала вода.

Вышли на тропу. Она была протоптана какими-то большими животными. Джекоб шёл впереди и отводил ножом колючие ветки. Вдруг над нашими головами кто-то стремительным прыжком перенёсся с дерева на дерево.

— Обезьяна, Джекоб?

Лесник отрицательно покачал головой.

— Белка, — сказал проводник.

В ветвях мелькнула чёрная спина. Ну какая же это белка? Я бросился с тропы и влетел в колючий куст, но животное скрылось.

Мы долго бродили по лесу. Молчаливый, тихий, с редкими выкриками птиц, с безмолвными пустыми тропами, он не порадовал нас. Только однажды вдалеке, на противоположном берегу — мы вышли

к глухой озёрной старице, — взлетела большая птица. На её голове жёлтым огнём горел гребень.

— Булхорн-носорог, — сказал Джекоб.

На обратном пути я снова заметил в ветвях что-то чёрное.

— И это белка?

Джекоб ответил шёпотом:

— Чёрный лангур.

Большая обезьяна карабкалась на макушку дерева. Одной рукой она прижимала к груди детёныша. Блеснули крошечные любопытные глазки. Мать, продолжая держать детёныша, раскачала ветку, вытянула вперёд свободную руку, одним махом перелетела на соседнее дерево и скрылась.

Когда мы вернулись домой, я тотчас сел листать справочник, который нашёл в доме. Мне хотелось убедиться, что лесник ошибся, что животное, встреченное нами, было тоже обезьяной. Но вот рисунок — большой чёрный зверь с длинным пушистым хвостом — «гигантская малабарская белка». Удивительно!

В дверь постучали. На пороге снова стоял Джекоб. В руке он держал лист бумаги.

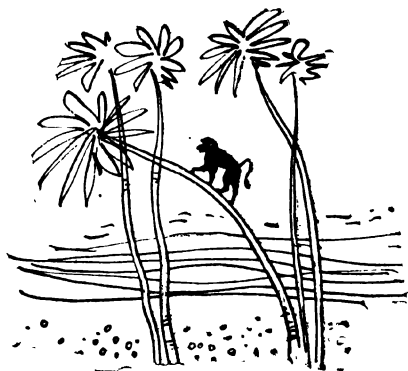
— Вот, — сказал он и положил лист на стол. — Я обещал показать его вам. Это след тигра.

И вот что он рассказал.

Пять лет назад в Индии проходила перепись тигров. Всем лесникам были розданы куски стекла и специальные карандаши. Нужно было регулярно посещать места водопоев и, заметив тигриный след, тотчас срисовать его.

Потом рисунок со стекла переводили на бумагу. Дело в том, что на свете нет двух тигров с одинаковыми отпечатками лап! Один экземпляр посылали в Дели, в Управление охраны дикой природы, второй экземпляр оставляли в заповеднике. Каждому тигру давали имя: тигр Эй, тигр Би, тигр Си... У тигров свои охотничьи участки, и только у водопоев они могут встречаться по-нескольку сразу.

Я снова бросился смотреть справочник. В статье «Тигр» было на-

писано: «По данным 1972 года, в Индии осталось 1872 тигра».

— Это был последний тигр, — сказал Джекоб. — Он ушёл от нас в горы. Больше в Периаре нет тигров.

ПАРК ЗМЕЙ

Заповедник был расположен на окраине города, окружён домами, и его, вероятно, не надо было ни огораживать, ни охранять: зверям и птицам бежать было некуда.

— Ну, положим, охранять-то приходится, — сказал мой спутник. — От людей... Знаете что, давайте сначала посмотрим Парк змей.

Среди деревьев стояли врытые в землю большие бетонные кольца. Некоторые из них были накрыты сверху металлической сеткой.

Мы подошли к одному из колец. Внутри него стояло сухое сучковатое дерево, на земле пёстрой скользкой и липкой (как показалось мне) грудой лежали змеи. Их было несколько сот. Эта живая гора медленно шевелилась, растекалась.

Змеи неторопливо, как в замедленном кино, переходили с места на место, поднимались на дерево, стекали с него.

Я жадно рассматривал их.

Прежде всего, здесь была великолепная королевская кобра. Она была вдвое больше любой другой змеи и лежала отдельно, сложив капюшон, прижав голову к прохладному полу.

Были древесные змеи, зелёные, тонкие.

Было с десяток простых кобр.

— Эта не ядовита? — спросил я, показывая на древесную змею.

— У нас в Индии всего четыре вида ядовитых змей, — ответил Буч. — Кобра, маленькая змейка крайт (помните, именно её душил храбрый Рики-Тикки?), гадюка Рассела и гюрза. Однако наши люди в деревьях ходят босиком, укусы и даже смертельные случаи часты. Индию надо обути, тогда мы забудем о змеях.

Он сказал это невесело.

— Хотите поддержать змею в руках?

Рабочий в толстых резиновых сапогах залез внутрь бетонной чаши, крючком растащил в стороны кобр, извлёк зелёную змею и протянул её мне.

Медленно, словно нехотя, она обвилась вокруг руки и начала движение вверх по плечу, к шее. Она была такой длинной, что касалась хвостом пола.

Угрюмая тишина стояла в парке. Медлительные, немые змеи в бетонных холодных чашах — и люди, молча разглядывающие их.

— Не правда ли, — сказал я, — наш страх перед змеями совершенно особый? Человек боится и тигров, и львов, но как-то совсем по-другому, как слабый сильного. А тут...

— Здесь беспомощность. Страх перед змеями самый древний, — убеждённо сказал мой спутник. — И самый глубокий. Индийский крестьянин, например, всегда воспринимал змеинный укус не как беду, а как наказание.

— И потом, вся планета когда-то принадлежала им, — сказал я. — Змеям и ящерам. Человек пришёл потом. Пришёл и всё отнял. Может быть, мы поэтому и боимся их?

СЛОМАННАЯ ПАЛЬМА

Прямо передо мной торчал, как столб, мёртвый ствол. Тропический ураган сломал пальму, и ствол её теперь заканчивался обрубок. Кора на стволе была серого бетонного цвета, ровная, без единой морщинки. По ней, вероятно, не сможет взобраться на верхушку дерева ни одно животное.

Я сидел, нет-нет да поглядывая туда, как вдруг на самой вершине ствола что-то шевельнулось. Мелькнуло зелёное перо. Показался кончик хвоста. Какая-то птица возилась на сломанной пальме. Наконец вспыхнуло яркое зелёное пятно, развернулись два крыла, завертелась крутолобая, с толстым крючковатым клювом голова — на вершине сидел великолепный зелёный попугай.

Он посмотрел вниз, рассудил, что эта блестящая штука со стеклянным глазом в руках у меня не опасна, потом посмотрел так же внимательно направо и налево, развернул крылья и, не торопясь, перелетел на соседнее дерево.

Над моей головой послышался шорох. Сверху спускалась ящери-

ца. Она задела хвостом плечо — я сидел совершенно неподвижно, — прошла по песку, прошуршала в траве и исчезла.

Попугай уже летел обратно. В клюве он нёс тонкую гибкую веточку.

Птица мастерила гнездо! Верхушка сломанной пальмы была её квартирой.

Зелёный красавец приладил ветку, снова посмотрел на меня, затем направо, налево. Он смотрел туда так пристально, что я понял — я тут не один.

Я осторожно привстал. Слева от меня в кустах стоял коричневый, с россыпью белых пятнышек на спине олень. Наши глаза встретились, олень подпрыгнул, повернулся, казалось бы, в воздухе и умчался, с треском ломая кусты.

Лёгкий стук копыт утих.

И тогда справа от меня из кустов поднялась выцветшая панاما. Блеснул выпуклый стеклянный глаз бинокля. Мой проводник мистер Буч сделал мне знак рукой: «Идёмте!»

— На этом дереве попугаи гнездятся уже шестой год подряд, — сказал он. — Я каждую неделю прихожу сюда... Сейчас вы увидите оленей.

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы шли через лес. Я спрашивал, Буч отвечал, и для меня умирали мифы. Великолепные мифы о сказочной стране Индии.

— Прежде всего, — сказал он, — кроме предгорий, в Индии не осталось места для лесов и для дикой природы. Всё заняли поля и селения. Нас шестьсот пятьдесят миллионов. Это океан, под волнами которого исчезли джунгли...

Нельзя сказать, — заметил он, — что мы не любим и не ценим живое. Наоборот. Вы могли видеть на дорогах людей, рты которых закрыты повязками из марли. Это джайны — они верят, что ничто живое не должно быть убито. Они закрывают рты, чтобы не вдохнуть мошку или комара. Мы всегда гордились своими дрессированными слонами, а тигров убивали лишь тогда, когда они становились людоедами...

— Зато звери и сейчас вам платят за добро. Только в вашей стране есть до сих пор случаи, когда звери воспитывают детей.

Мистер Буч рассмеялся.

— Редиард Киплинг великий писатель, — сказал он. — Мои дети любят его. Но Маугли не существовал никогда. Все заблудившиеся в джунглях были съедены. Никогда волки не вскормили ни одного потерянного матерью оленёнка или детёныша обезьяны. Что говорить о человеке? Маугли — это прекрасная сказка.

— Но я видел в газете фотографии...

— Я видел их тоже. Мало того, видел, как журналист сфотографировал в деревне мальчика. Мальчик не умел говорить и ходил на четвереньках. В наших деревнях рождалось много больных детей. Для Индии время перемен только наступило.

— Значит, Маугли нет...

Новая мысль неожиданно пришла мне в голову. Я вспомнил Бомбей:

— А укротители змей? И это миф?

— И это... — Мой собеседник говорил почти печально. — У змей, которых вы видите на улицах, вырваны ядовитые зубы. И даже сражение, которое они показывают, это не битва мангусты с коброй.

— Вот это вы уже напрасно. Я видел такое сражение сам.

— Да, но в суматохе вы не рассмотрели хорошенько вторую змею. Её выпустили из другой корзины. Во второй корзине всегда сидит рат-снейк, крысиная змея. Она меньше кобры, хотя похожа на нее

по цвету. Только она не ядовита, и у неё нет капюшона. Крысиных змей много, и они дешёвы. Впрочем, за хорошие деньги мангусте дадут расправиться и с коброй. Особенно если змея стара и её пора менять. Это очень эффектное зрелище. Ведь мангуста не знает, что кобра без зубов, и поэтому дерётся очень осторожно, по всем правилам.

— Не знаю, что и сказать... Вы меня ошеломили.

— Что делать?..

Мы стояли на плоском невысоком холме. Осторожно раздвинув кусты, Буч знаком пригласил меня посмотреть вниз. В неглубоком распадке около запруды разлился ручей. У коричневой лужи стояли на скользкой глине два хрупких оленя и, опустив головы, жадно пили. Время от времени то один, то другой пугливо осматривались.

— Не спугните. Олени не боятся автомашин, но боятся людей.

РАТ-СНЕЙК

В тридцати милях южнее Мадраса, на берегу океана, в местечке Махалибапурам стоят вырубленные из целого камня низкие тёмные почерневшие храмы.

Я торопился к машине, как вдруг увидел в тени около храмовой стены две знакомые плоские корзины.

Укротитель с дудкой сидел рядом. Поодаль отдыхал, привалившись спиной к каменной стене, мальчишка со зверьком на потёртом пенёчковом шнурке.

Словно кто-то перенёс и корзины, и мужчину с дудкой, и мальчика с мангустой сюда, за тысячи километров от Бомбея, и вновь поставил их на моём пути.

Первым заметил меня мальчик, он крикнул что-то укротителю, тот наклонился к корзине и, делая ши-

рокие жесты, пригласил подойти поближе.

— Драка мангусты с коброй! — нараспев объявил он.

Я подошёл. Мужчина взял у меня деньги — больше желающих смотреть представление не нашлось — и снял с первой корзины крышку. И снова оттуда поднялась и стала на хвост огромная коричневая змея. Снова раздула капюшон с очками и, покачиваясь, стала следить за движениями дудки.

Когда кобра, как решил мужчина, потанцевала вполне достаточно, он опустил дудку и, схватив змею, небрежно сунул её в корзину. Он сделал это недостаточно проворно и плохо закрыл крышку. Крышка слетела, и змея устремилась прямо ко мне. Она ползла, не замышляя ничего плохого, а я, помня о вырванных зубах, стоял на одном колене и продолжал снимать. Вокошке видеискателя то показывалась, то исчезала голова с раздутым капюшоном. Потом змея исчезла — факир, схватив кобру за хвост, вновь водворил её в корзину. Забыв о том, что надо изображать осторожность, он просто взял её в руки и, затолкав в корзину, прижал крышкой.

Тогда вперёд вышел мальчик. И снова была сброшена крышка со второй корзины, снова оттуда пулей вылетела серо-коричневая змея. Мангуста бросилась на неё. Я подошёл слишком близко, они покатались мне под ноги. Мангуста с первого же удара прокусила змею за тылок, и всё было кончено.

Мальчик поднял змею и протянул её мне. Это действительно была не кобра. Из рта у рат-снейк шла кровавая пена. Мангуста царапала коготками песок и рвалась к удушенной змее. Та висела плетью.

— Хорошая работа! — сказал я мальчику.

Я сказал это совершенно серьёзно. И он, и его острозубый зверёк сделали то, что нужно было сделать. Быстро, точно и до конца верно.

Что ж, в конце концов, у каждого своя работа. Что делать, если кобра становится всё меньше и меньше.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это случилось в последний день нашей поездки по Южной Индии. На шоссе из Периара в Кочин наша машина резко затормозила. На дороге около маленькой лавки с овощами стоял слон. Он был чёрный. От ноги, вверх через спину и снова вниз под живот, шла потемневшая стальная цепь.

Верхом на слоне сидел погонщик — махут. Он сидел неподвижно и, казалось, даже не заметил вылетевшей из-за поворота машины.

Я подошёл к ним.

Слон стоял, накрыв одной ногой большую зелёную сочную пальмовую ветвь, и неторопливо обдирал хоботом с неё листья. Он отрывал их от ветки и отправлял в рот.

Дикие слоны посыпают себя пылью, а этот был чистый-пречистый, блестящий, как новенькое пианино.

— Что это за слон? — спросил я людей, стоявших поодаль. Это были местные жители.

— Это рабочий слон. Он работал на лесопилке, подтаскивал к пиле брёвна. А теперь он без работы.

— Как это?

— Очень просто. Хозяин лесопилки купил трактор.

«Вот так раз! Безработный слон!»

— Что же с ним собираются делать?

— Он идёт в Периар, — объяснили мне. — Его оставят там. Слона некому кормить, и некому платить деньги махуту.

Справа и слева от дороги, за узкой полоской низеньких каменных домиков расстилалась зелёная, насыщенная влагой, нарезанная на

аккуратные прямоугольнички земля. На ней стебель к стеблю росли рис, сахарный тростник, бананы... На каждом клочке копошились люди. Нет, решительно, слона тут негде пасти, такой громадине тут негде жить!

Я вспомнил красных слонов Периара.

— Ему там будет хорошо, — сказал я и хотел похлопать ладонью шершавый, чёрный, в редких жёстких волосинках слоновий бок.

«Осторожно!» — знаком предупредил меня махут, а слон покосил маленьким красным глазом.

Он дожевал пальмовую ветвь,

махут сказал какое-то слово, огромное животное качнулось и, позвякивая цепью, двинулось вперёд.

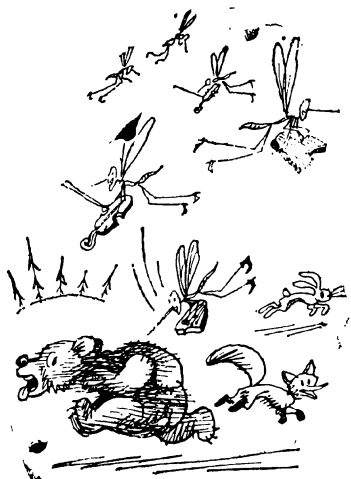
Они удалялись по липкой чёрной дороге — слон и на нём человек в белой одежде.

Я долго смотрел им вслед.

Пусть у него всё будет хорошо, у этого слона, который всю жизнь выуживал из реки пальмовые брёвна и подтаскивал их к визжащей, плюющей опилками машине.

Пусть его примет стадо.

Пусть упадёт у входа в заповедник цепь, которую он так долго носил,

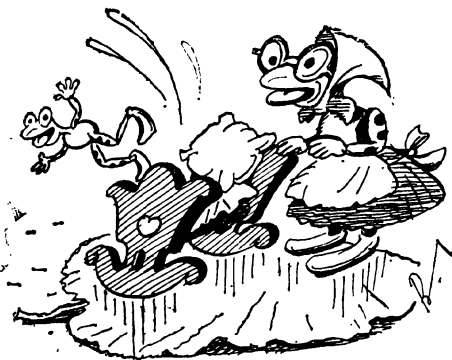
Непослушный лягушонок

Для внучонка
Лягушонка
Сшила бабушка пелёнку.
Стала внука пеленать —
Лягушонка — не унять!
Из пелёнки скок-поскок,
И от бабки наутёк!

ЛЕСНЫЕ ИСТОРИИ

Музыканты

Музыканты-комары,
Скрипачи и гуслиары,
Из болота к нам летят,
Нам давать концерт хотят.
Кто ж оценит их таланты?
Все бегут от музыкантов!

Стихи В. ШУМИЛИНА
Рисунки В. ГАЛЬБЫ

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Нет дела важнее

Наш автобус долго пробирался по забитым автомобилями парижским улицам, потом быстро катил по широкой просторной магистрали и наконец остановился возле высотного здания нового отеля. Мы прошли через холл, поднялись на второй этаж. Здесь у входа в зал заседаний мне выдали ярко-зелёную бумажную папку с крупной надписью «Франция — СССР». В папке лежали аккуратно отпечатанные на французском языке доклады. В их заголовках повторялось слово «разоружение». Ещё мне выдали маленькую белую пластинку с моей фамилией, написанной латинскими буквами. Её я прикрепил к лацкану пиджака и сразу почувствовал, что стал не просто туристом, а участником важного совещания. «Франко-советская встреча по проблемам разоружения» — так называлось это совещание.

Никогда раньше не приходилось ещё мне участвовать в таких совещаниях, и потому я немного волновался.

В зале заседания уже толпились люди. Некоторых я знал по фотографиям в газетах, по их выступлениям по телевидению. Это были известные общественные деятели Франции — учёные, бывшие генералы, сенаторы. Все они пришли сюда, чтобы вместе со своими советскими друзьями и коллегами обсудить проблемы разоружения.

Наши заседания длились два дня. Два дня участники встречи делились своими мыслями о том, как лучше, с большим успехом бороться за разоружение во всём мире. Как преодолеть яростное сопротивление тех, кто наживается на гонке вооружений. Как сделать прочным мир во всём мире.

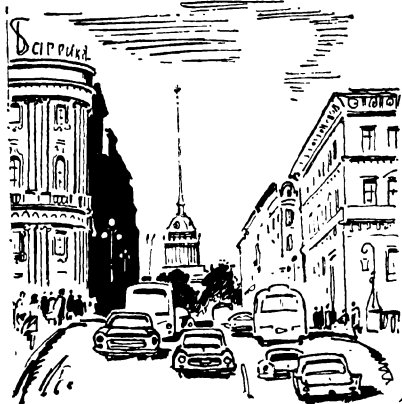
Звучала французская и русская речь. Вовсю трудились переводчики. Очень многие и очень разные люди выступали на этой встрече. Но в голосах этих очень разных людей звучала одна и та же тревога.

«Задумайтесь, — говорили они, — уже сейчас в мире на каждого жителя земли приходится по 15 тонн взрывчатки — тринитротолуола».

«Задумайтесь, — говорили они, — во всём мире сейчас тратится на вооружение столько денег, столько золота, что этим золотом можно опоясать земной шар, причём пояс этот окажется толщиной в 8 метров и шириной в 10 километров!»

«Задумайтесь, — говорили они, — на земном шаре уже сейчас накоплено столько ядерных зарядов, что их мощность равна 1 миллиону 350 тысячам атомных бомб. Всего одна такая бомба в 1946 году полностью уничтожила японский город Хиросиму».

«Задумайтесь, — говорили они, —

если удастся сократить расходы на вооружение всего на 1 процент, только на 1 процент, на эти деньги можно будет накормить 200 миллионов голодающих детей!»

Вот какие цифры услышал я.

Выступали разные люди. Молодые и старые. Те, кто бывал в огне сражений, и те, кто никогда не видел войны. Иногда они спорили, не соглашались друг с другом, но все сходились в одном: разоружение необходимо. Надо бороться за разоружение. Прочный мир невозможен без разоружения. И потому нет дела важнее, чем борьба за разоружение. Они говорили об этом убеждённо и горячо.

А вечером я бродил по парижским улицам, которые всегда кажутся праздничными, рассматривал витрины магазинов, вглядывался в лица встречаемых людей, а в моей голове продолжали звучать цифры: «15 тонн тринитротолуола... 1 миллион 350 тысяч атомных бомб...»

Я думал о том, что в эти часы в моём родном Ленинграде оживлённая толпа тоже заполняет вечерние улицы и люди спешат в гости, в кино, в театры... Так же, как они спешат в Париже. Разве кому-нибудь из этих людей нужна война! Разве каждый из них не хочет мира!

Я думал так и невольно испытывал гордость оттого, что именно наша страна, именно Советский Союз, идёт сегодня в авангарде борьбы за мир, за разоружение.

Ведь та встреча, о которой я рассказываю, была лишь крошечной каплей, лишь малой составной частицей той постоянной, упорной и неутомимой борьбы за мир, за разоружение, которую ведут наше государство, наш народ, наша партия.

Рис. Л. Иванова

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ в соответствии с рекомендацией ЮНЕСКО проводится Неделя архивов. В эти дни советские архивисты рассказывают о достигнутых успехах, о значении архивов в культурной жизни общества.

Проводится Неделя архивов и у нас, в Ленинграде, где находится один из круп-

На площади Декабристов, одной из самых красивых площадей нашего города, есть два здания, соединённые аркой. Это бывшие Сенат и Синод. Сейчас здесь — Центральный государственный исторический архив СССР.

Не многие знают, какие сокровища прошлого хранят архивы. Их недаром называют памятью человечества. Как не может нормально жить человек, потерявший память, так немыслима жизнь народа, утратившего знания о своём прошлом. С незапамятных времён люди хранили письменные свидетельства прошлых веков.

Несведущий человек может подумать, что архив — это что-то вроде склада, где лежат пыльные и никому не нужные старые бумаги. Конечно же, это не так! Исторический архив — научное учреждение, где в строгом порядке хранятся, изучаются, исследуются ценнейшие документальные свидетельства прошлого. В Центральном историческом архиве около семи миллионов дел. Если поставить в одну линию все полки с документами, их длина будет равна железнодорожной линии от Ленинграда до Зеленогорска. Разобраться в этом море документов помогают специальные архивные описи, каталоги, картотеки.

Документы, как люди, стареют, болеют от неблагоприятных условий. Им вреден даже обычный солнечный свет. Попробуйте положить исписанный лист бумаги на ярко освещённый подоконник. Уже через несколько дней бумага пожелтеет, не пройдёт и года — чернила выцветут, написанное невозможно будет прочесть. Архивисты оберегают документы, возраст которых исчисляется столетиями, «лечат» повреждённые документы. В их распоряжении и достижения современной хи-

Д. РАСКИН, О. ЯКОВЛЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ

мии, и специальная камера токов высокой частоты, уничтожающих микроорганизмы.

У историков нет машины времени, о которой любят писать фантасты. Но исторические документы — подлинные следы прошлого — словно переносят нас в далёкие времена, через века и годы.

Перед нами небольшая тетрадь в пёстрой обложке. Это старинная русская азбука начала XVIII века...

Тёмное бревенчатое помещение. Горит свеча. На низких скамьях сидят ученики. Они держат на коленях тетради из грубой серой бумаги. Скрипят гусиные перья. «Аз, буквы, веда...» Указка учителя гуляет по спинам ребят. И не потому, что они ленятся. Трудно, очень трудно запомнить очертания замысловатых букв. Цифры тоже обозначены буквами: а — 1, и — 8, к — 20... рке — 125... Попробуйте сложить написанные таким образом два трёхзначных числа! А умножить или разделить? Человек, умеющий легко читать и писать, да ещё и знающий четыре

нейших в мире исторических архивов — Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА), хранилище документальных памятников истории нашей Родины.

В этом очерке сотрудники ЦГИА Д. Раскин и О. Яковлев расскажут вам, какие бесценные сокровища отечественной культуры хранятся в ленинградском архиве.

Рисунки Л. Коломейцевой

В ПРОШЛОЕ

действия арифметики, считался уже большим грамотеем. Но откроем лежащую перед нами азбуку. Старинная вязь церковнославянских букв властно перечёркнута, рядом более простые, строгие начертания. Это Пётр I в 1710 году решительно вычеркнул из азбуки буквы старого церковного письма, ввёл вместо них гражданский алфавит, который дошёл и до наших дней. Рукой Петра написано: «Сими литеры (буквами) печатать исторические и мануфактурные (технические) книги. А которые подчеркнуты (перечёркнуты), тех в вышеписанных книгах не употреблять».

На стеллажах толстые, переплетённые в красную кожу книги. Одна из них переносит нас в 1736 год. Перед нами доклад созданной при Петре I Академии наук кабинету министров о посылке трёх русских учеников в Германию для обучения металлургии и другим наукам. Один из этих учеников — Михайло Ломоносов. Пройдёт время, и Михаил Васильевич Ломоносов прославит русскую науку на весь мир,

А вот рапорт о Бородинском сражении. Бросается в глаза подпись: «Багратион». Как могла она появиться на рапорте? Ведь генерал П. И. Багратион был смертельно ранен на Бородинском поле, где командовал левым крылом русских войск. Но, борясь со смертью, полководец собрал последние силы, чтобы продиктовать рапорт в Петербург. Известия с поля боя были утешительны: армия не сломлена, враг истощил свои силы. Багратион прославляет героизм русских солдат, настаивает на том, что Бородино — победа русской армии. Он помнит, что у главнокомандующего М. И. Кутузова есть при дворе влиятельные враги, стремящиеся к капитуляции. Необходимо разрушить их планы, вдохнуть бодрость в армию, воодушевить народ. Ослабевшей, но ещё твёрдой рукой генерал выводит подпись под рапортом. Это его последний рапорт, последняя строка, написанная его рукой.

Среди многочисленных документов по истории русской литературы — толстая тетрадь с рукописью книги известного русского поэта П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине. Более ста лет хранилась она в архивах, но недавно пережила как бы второе рождение. Не один десяток людей просматривал её, держал в руках, и, казалось, она уже не может принести ничего нового. Но вот специалисты по творчеству Пушкина делают неожиданное открытие — на полях рукописи оставил свои пометы А. С. Пушкин! Об этом пушкинист может только мечтать. Кто мог предполагать, что автограф Пушкина будет обнаружен в хорошо изученном деле? Выяснилось, что при подготовке книги П. А. Вяземский дал рукопись на просмотр Пушкину и попросил сделать замечания. На полях тетради рукой

Пушкина сделано более тридцати помет. Многие из них очень интересны. «Бабушка моя сказывала мне, — писал Пушкин на полях рукописи в связи с рассказом Вяземского о постановках комедий Фон-визина, — что в представлении «Недоросля» в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и, следственно, видели перед собою своих близких знакомых, свою семью».

А эти пожелтевшие от времени листы грубой тряпичной бумаги повествуют нам об одной интересной судьбе...

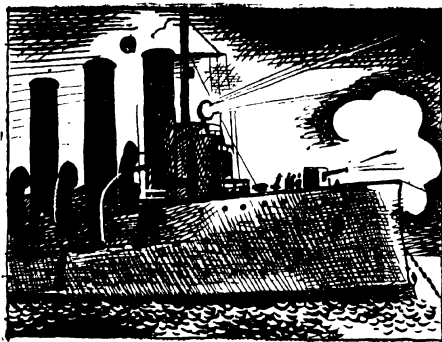
Несколько лет продолжалось первое кругосветное путешествие русских кораблей «Нева» и «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Впервые русские моряки пересекли экватор, вступили на землю удивительных островов, с удивлением рассматривали диковинные деревья, плоды, зверей и птиц. На Сандвичевых островах (так назывались тогда Гавайские острова) на борт русского корабля был взят мальчик-сирота. Имя его было Тик. Находящийся на одном из кораблей русский посланник в Японии решил привезти мальчика в Россию. Так началось удивительное путешествие маленького гавайца. Вместе с посланником Резановым Тик некоторое время находился в Японии, потом через всю Сибирь они поехали в Петербург. По пути, в Красноярске, Резанов умер. В 1808 году Тик попадает в Петербург. Его поместили на казённый счет в Кронштадтское штурманское училище. В Кронштадте Тика крестили, он получил имя Василий. А фамилию свою ему дал главный командир Кронштадтского порта контр-адмирал Моллер. Василий Моллер... Попробуйте, услышав это имя, предположить, что речь идёт об уроженце Гавайских островов!

Большое место среди документов архива занимает история революционного движения в России. В одной

из папок мы находим фотографию бородатого человека в русской рубашке, с суровым и непреклонным взглядом. Как попала она сюда, вместе с листовками и прокламациями, вместе с изданиями, приобщёнными жандармами к делу по обвинению революционеров? Может быть, это произошло так...

Морозной ночью 1881 года по заснеженным улицам Томска торопливо шли жандармы. Подошли они к невысокому бревенчатому дому. Здесь! Резко застучали в дверь жандармские кулаки. Им долго не открывали. Жандармы навалились на неё и ворвались в тёмные сени. «Ничего успел уйти, ваш-бродь!» — хрипло крикнул офицеру жандармский унтер. Погоня ничего не дала. Декабрьский снег быстро замёл следы. Жандармы нашли только спрятанный беглецом свёрток. В свёртке были подпольные газеты и брошюры, листовки и — фотография. Кто же этот беглец, за которым так безуспешно охотились жандармы в ночь накануне праздника? Это был Пётр Орлов, бывший студент Казанского университета, сосланный в Томск за участие в студенческих волнениях. Орлов был представителем «Красного Креста Народной воли», организации, созданной, чтобы помогать революционерам, попавшим на каторгу и в ссылку. Ещё раз пристально изучают жандармы найденные улики: искусно вырезанные печати для фальшивых паспортов, брошюры, листовки... Чью же фотографию бережно хранил Орлов вместе с революционными прокла-

мациями? Это был пламенный боец с царизмом — рабочий Пётр Алексеев. На всю Россию стали известны его слова, сказанные в 1877 году на суде: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!» Это смелое пророчество русского рабочего-революционера запало в сердца многих. Вот почему фотографию Петра Алексеева хранили как святыню несколько поколений революционеров.

Поднимемся на другой этаж и перенесёмся в XX век. От этих дел в картонных переплётах веет холодом казематов Петропавловской крепости...

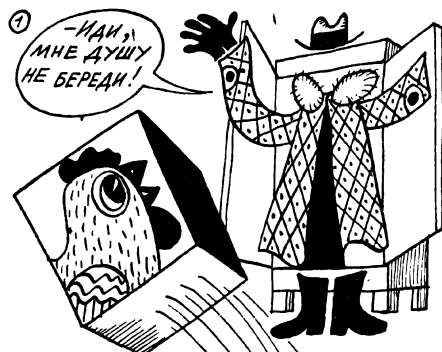
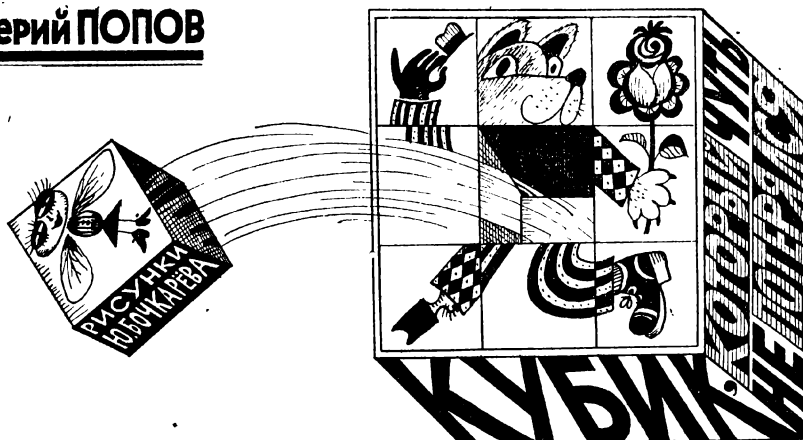
1905 год. Под низкими сводами тюремной камеры, несмотря на ночное время, горит свет. Рослый голубоглазый человек в арестантском халате пишет, торопливо покрывая чётким красивым почерком лист за листом. Ещё недавно в сопровождении жандармов его привезли сюда. Комендант крепости внимательно прочитал бумагу: «Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о принятии для содержания во вверенной Вам крепости арестованного сего 10 января по обвинению в государственном преступлении писателя Алексея Максимовича Пешкова...» «Государственное преступление» Алексея Максимовича Горького заключалось в том, что он, узнав о готовящемся расстреле мирной демонстрации рабочих, пытался предотвратить провокацию. Тщетно. 9

января кровь рабочих, идущих с просьбой к царю, окрасила мостовые Петербурга. Тюрьмы переполнены арестованными. Писатель в камере, из которой мало кто выходил живым. Есть от чего прийти в отчаяние... Но откроем следующее дело, перелистнём несколько страниц. Перед нами прошение Горького коменданту Петропавловской крепости о разрешении ему вечерних занятий. Писатель уверяет коменданта, что предпринимаемая им литературная работа не касается политики, представляет чисто психологический интерес. Под арестом Алексей Максимович Горький с невиданной энергией обращается к литературному труду. Горит свет в камере. Растёт число исписанных листов. Так началась работа Горького над романом «Мать»...

Долгий путь по архивохранилищам, от документа к документу, приводит нас в 1917 год. Уже миновала Февральская революция, власть в руках Временного правительства. Ширится кампания травли большевиков, буржуазные газеты многотысячными тиражами клеветуют на Ленина. Керенский готовит приказ об его аресте. Но вот 6 июня команда боевого крейсера Балтийского флота принимает резолюцию: «Большевики команды крейсера «Аврора» обсудили вопрос относительно товарища Ленина и его друзей и, признав стойкого и твёрдого борца за свободу с капитализмом, решили поддерживать во всякую опасную минуту и будут всегда наготове дать отпор тем буржуям, которые ведут травлю против товарища Ленина». Этот скромный на вид документ предвещает новую эпоху, начало которой положил легендарный выстрел «Авроры».

Вот и закончилось наше небольшое путешествие. Снова мы оказались у входа, где висит скромная вывеска «Центральный государственный исторический архив СССР». Но теперь вы знаете, какие бесценные сокровища прошлого хранятся в этом здании. как много загадок таят архивные документы.

Валерий ПОПОВ

Жил на свете кубик, из детской игры «Кубики». Однажды надоело ему лежать в коробке, и он подумал: «Парень я не робкий — а лежу всё время в коробке. А может, я лучше всех, может, ждёт меня громадный успех! Покачу, погрохочу, сделаю что захочу!»

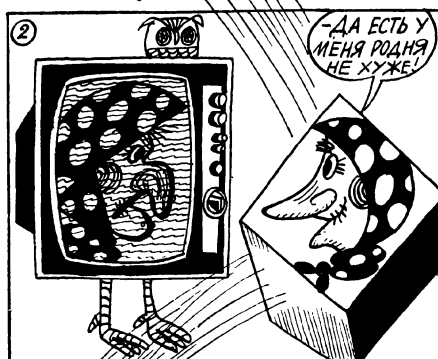
И когда дети высыпали кубики на стол, чтобы играть, наш кубик растолкал своих братьев-кубиков, докатился до края стола и прыгнул вниз.

Катится по комнате, видит, стоит в углу большой куб, отделан под дуб.

— Здорово! — кубик ему кричит. — Ты кто!

— А ты!

— Я куб! Сделан из дубовой досочки, со всех сторон на мне сказок кусочки. С одной стороны — курочка Ряба, с другой стороны — Яга-баба, с третьей стороны — аленький цветочек, с четвёртой — Алёнушкин платочек, с пятой — Муха-Цокотуха, с шестой — волка одно ухо! Конечно, ты другая статья: не можешь кувыряться, как я, отделан некрасиво, под дуб, но всё-таки, как и я, куб! Ну как, ты мне рад! Похоже, что ты мой брат.

Шкаф закрипел дверцами и говорит:
— Эх ты, деревяшка, бумажная рубашка! Какая я тебе родня! Посмотри, что внутри у меня: десять пальто, восемь костюмов, пять шуб, а ты говоришь, что я просто куб! Давай-ка иди, мне душу не бередит!

Вдруг видит в углу ещё один куб! Тоже отделан под дуб, на курьих ножках стоит, сказку вслух говорит.

Подкатился к нему кубик, кричит:

— Ишь! Чего на дороге моей стоишь! Отвечай мне — ты кто! Может быть, тоже хранишь пальто!

— Я — телевизор, — тот говорит. — Видишь, окно впереди горит! Называется экран. Показываю на нём жизнь разных стран. Я же не просто так стою: кино показываю, пою, разговариваю на разные голоса. Способен и на прочие чудеса.

Посмотрел кубик на телевизор и шкаф. «Да, — думает, — есть у меня родня не хуже, а даже лучше меня!»

Грустно стало ему. Тут увидел он открытую дверь и на улицу выкатился.

Покатился он среди одуванчиков и слышит — одуванчики шепчутся:

— Поглядите на этого урода — неужели его создала природа!

Покатился кубик быстрее, но одуванчики всё не кончаются, шепчутся:

— Что за одежда на этом уроде, не знает, что сейчас круглов в моде!

Закатился наконец кубик в какую-то ямку.

«Да-а! — думает. — А я-то считал себя лучше всех, думал — ждёт меня громадный успех... Ох! Видимо, я совсем плох! Буду здесь лежать, не буду хоть никого обижать!»

Вдруг к кубу подскочили несколько кузнечиков. У каждого из них на плече было по одной тёмной полоске.

— Замечательно! — закричал один. — Тащите пилу! Она дома у нас лежит, в углу!

Один кузнечик сбегал за пилой, и, упревшись в кубик лапками, они совсем уже собрались его пилить.

Вдруг из травы выскочил ещё кузнечик. На плече его было две полоски.

Кузнечики бросили пилу и вытянулись по стойке «смирно».

— Что за дела! — спросил кузнечик-начальник. — Зачем пила!

— Да вот — древесина. Может, дуб, а может — осина!

— Может быть, это прозвучит грубо, но мне кажется — твоя голова из дуба! Разве я учил тебя злу! Подумал бы, прежде чем браться за пилу! Господи, как ты глуп! Ведь это же самый настоящий куб! Такое не растёт ни в поле, ни в огороде и, вообще, большая редкость в природе! Распиливать подобные чудеса! Пусть украшает наши луга и леса!

Схватив пилу, кузнечики усаkali.

— Простите! — обратился к кубу кузнечик-начальник. — Много ли с них возьмёшь! Молодёжь! Все делают впопыхах, торопливо, не понимают, что куб — это красиво! Послушайте, не могли бы вы мне помочь! Я думаю вот о чём каждую ночь: на свете есть памятники коням, кошкам, собакам, даже ослам — о людях я уже не говорю, — но нигде нет памятника нам. Я сам бы охотно памятником стал, а вы не хотели бы превратиться в пьедестал!

— А надолго мне пьедесталом стать!

— Не очень надолго. Секунд на пять.

— Ну это можно — секунд на пять! Это нетрудно — столько постоять.

Кузнечик обрадовался:

— Вот спасибо! Представляю, как это будет красиво!

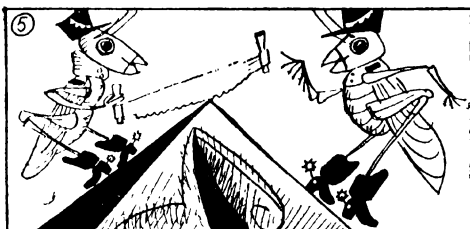
Кузнечик запрыгнул на кубик и, скрестья лапки на груди, застыл неподвижно. Ровно через пять секунд он спрыгнул.

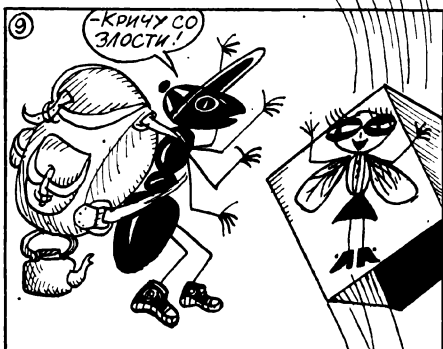
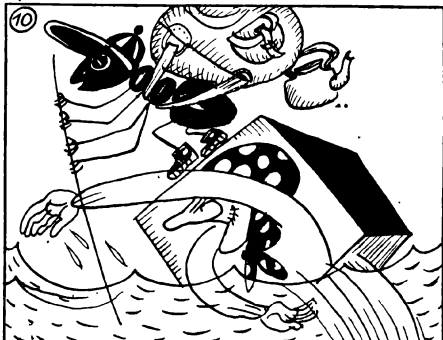
— Спасибо, пьедестал.

— Ничего. Я совсем не устал.

И кубик покотился дальше.

Тут он увидел, что из земли высунулся червяк и с восхищением смотрит на него.

— Как много на вас всего изображено! Скажите, вы, наверно, кино!

— Да куда уж мне! — сказал кубик. — Я кубик. Сделан из досочки, со всех сторон на мне — сказок кусочки. С одной стороны — курочка Ряба, с другой стороны — Яга-баба, с третьей стороны — аленький цветочек, с четвёртой — Алёнушкин платочек, с пятой стороны — Муха-Цокотуха, с шестой стороны — волка одно ухо! Переворачиваясь, он показал червяку все картинки.

— Жаль, — говорит червяк, — что счастье такое выпало одному мне. Хотелось бы показать вас сыновьям и жене. Сегодня у нас праздник — день первого дождя. Доставьте же им радость, пусть поглядят!

— Пожалуйста! — сказал кубик. — О чём говорить! С удовольствием могу повторить! Вскоре из земли показались сыновья червяка, потом их мать, и кубик показал им свои картинки.

— Вот это да! — кричали дети червяка. — Вот так красота!

«Значит, я нужен, — думал кубик, катясь дальше. — Других не хуже картинки показывал, радовал взор, кузнечикам и червям расширил кругозор!»

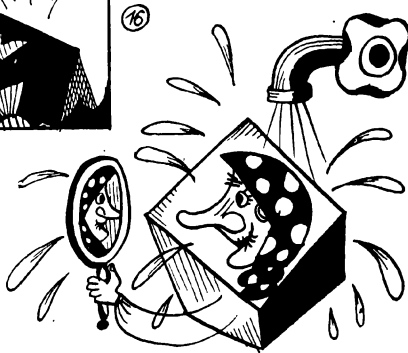
Тут он остановился. Дорогу пересекал глубокий мутный ручей. На берегу его стоял муравей и, подняв лапки к голове, кричал:

— Паромщик! Эй, паромщик! Давай паром — на ту сторону надо!

— А вы уверены, что он есть здесь, паромщик! — вежливо спросил кубик у муравья.

— Конечно, нет! — сердито сказал муравей. — Откуда ему быть! Это я так просто кричу, со злости! Час назад спокойно переплыл этот ручей на сосновой игле, да вот прошёл дождь, и смотри как разбушевался! Может, если будете переплывать, посадите меня!

— Без вас бы так и остался стоять на берегу, не знал, что я ещё и плавать могу! Кубик скатился в ручей, муравей вспрыгнул на него и, гребя веточкой, по-

плыл через ручей. Он доплыл на кубике к тому берегу, выпрыгнул, схватил лапками кубик, пытаясь его вытащить, но течение было слишком сильное, кубик вырвало из его лап и унесло!

«Куда меня несёт! — думал кубик. — Кто меня теперь спасёт!»

И тут он увидал, что ручей скатывается в широкую реку! Кубик вместе с ручьём скатился в реку, нырнул, потом вынырнул и, крутясь, понёсся по течению. Тут к нему подплыла хищная рыба. Сокращённо и, кроме того, чтобы было таинственней и страшней, она называла себя Хирыб.

— Попробуем, что это такое! — Она схватила кубик зубами и стала его проглатывать, но кубик, изо всех сил упираясь всеми своими углами, ни за что не соглашался лезть в её глотку!

— Хорошо, что я такой угловатый, — не лезу в глотку этой рыбе проклятой!

— Что такое! — закричала Хирыб. — Это хуже пилы, я такого не ем — сплошные углы!

И, мотнув головой, она выплюнула кубик на берег.

Берег был крутой, глинистый и скользкий после дождя, и кубик никак не удавалось на него взобраться. Цепляясь углами, он лез вверх, добирался до половины, поскользывался и скатывался вниз. Он весь уже был облеплен глиной и походил на комок грязи, каких много было на склоне, но кубик помнил, что он — кубик, и продолжал карабкаться!

И наконец он вылез наверх.

— Ну что же, — сказал он. — Неплохо я погулял, других повидал, да и себя показал. Пусть червяки и кузнечики здесь живут, а меня, наверное, дома ждут.

И он покатился обратно.

Одуванчиков, которые так гордились модным своим видом, уже не было — их сдуло ветром. Поэтому насмешек никаких он не слышал, да теперь бы, наверное, они на него бы и не подействовали: он-то знал теперь, что он полезен и нужен!

Когда он вкатился домой, дети, которые всё это время его искали, не узнали его:

— Что это за комок грязи оказался у нас в комнате!

И вдруг самый младший из ребят понял:

— Это же кубик! Кубик, который чуть не потерялся!

Он быстро стёр с кубика грязь, вымыл тёплой водой, и все снова увидели его картинки: на одном боку — курочка Ряба, на другом боку — Яга-баба, на третьем боку — аленький цветочек, на четвёртом — Алёнушкин платочек, на пятом боку — Муха-Цокотуха, на шестом боку — волчье ухо!

Шкаф после всего этого очень переживал, что среди них, шкафов, не принято путешествовать.

— Стоишь тут на одном месте, хранишь пальто. Это не то!

Телевизор тоже подумал:

— Стоишь тут, рассказываешь про весь свет, а своей жизни никакой нет!

Но потом, когда он узнал у кубика всю историю и замечательным своим голосом рассказал её всем телезрителям, он снова стал счастливым, почти так же, как сам кубик.

— Нет, мы, телевизоры, тоже нужны. Многие бы без нас остались неизвестными!

А кубик снова стал жить вместе со своими братьями-кубиками. Иногда дети, собирая картинку, долго не могут его найти, потому что он здорово умеет прятаться.

— Где же этот кубик, который чуть не потерялся! — спрашивают они. — Неужели снова отправился путешествовать!

М. ТАХИСТОВА

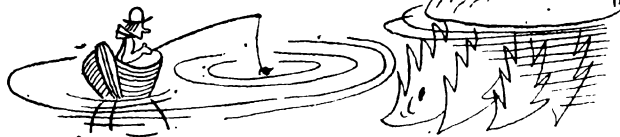
Дочки-матери

У мамы-дороги
всё дочки и дочки...
Не слушают маму,
ну просто беда!
Направо, налево,
по зарослям, кочкам
Опять разбежались,
не зная куда!
Болота, полянки,
овраги и чащи,
Чего только нету
у них на пути...
И хочется каждой
студённый, журчащий,
Весёлый ручей,
словно брата, найти!

Игорь ШЕНГЕР

Лес над озером склонился,
Посмотрел и удивился:
Там, в озёрной глубине,
Лес стоял на голове.

Николай ГОЛЬ

В лес

Рано утром по дорожке
шли красивые сапожки.
Вслед за ними по тропинке
шли красивые ботинки.
Вслед за ними по дорожке
шли-шагали босоножки.
Вслед за ними по дороге
шли босые ноги.
А в ботинках
и сапожках,
босиком
и в босоножках
шли подружки по тропинке
и в руках несли корзинки.
Будет польза от ходьбы:
будут ягоды-грибы!

Рис. Л. Коломейцевой и Л. Московского

ГЛАВА II

КАК ЛЮДИ УЧИЛИСЬ РИСОВАТЬ ЗЕМЛЮ

Кто придумал карту?

Когда я был маленьким, я очень любил придумывать необитаемые и таинственные острова и рисовать их карты. При этом горы я раскрашивал, как и полагалось, коричневым цветом, речки, озёра и моря — синим. А зелёными были на моих картах низменности и непроходимые джунгли, в которых водились такие страшные звери, которых нет ни в одном зоопарке. На таких островах можно замечательно охотиться, спа-

сать прекрасных царевен и находить клады, которые охраняют ядовитые змеи.

Потом, когда я вырос, я узнал, что ещё в глубокой древности, когда люди и писать-то не умели, они уже составляли карты и планы своих мест.

Есть в Краснодарском крае город Майкоп. Город не старый, ему лет сто с небольшим. Но с незапамятных времён высится в тех местах курган. Когда его насыпали, никто не помнил. И зачем насыпали, тоже давно забыли. И вот учёные-археологи решили: «А давайте раскопаем этот курган. Вдруг там окажутся вещи, которые помогут восстановить историю того, что здесь когда-то случилось?»

И наткнулись на захоронение.

Над могилой того, кто был захоронен, стоял засыпанный землёй богатый балдахин, расшитый золотыми бляшками. Держался балдахин на четырёх серебряных колоннах, вершины которых заканчивались фигурками круторогих быков, искусно сделанных из серебра и золота. Тут же рядом были прекрасные золотые и серебряные сосуды и всевозможные украшения. А все орудия и оружие были из камня и чистой меди.

Но не золото, не серебро больше всего обрадовало учёных. Самыми замечательными находками оказались рисунки на круглых боках древних сосудов. Неизвестные художники-картографы нарисовали на них и горы Кавказские, и реку, что течёт в тех местах. Получились у них настоящие планы, да такие правильные и подробные, что археологи сразу разыскали места, которые были на них изображены.

Но самое большое удивление ещё ждало учёных впереди. Когда они определили возраст находок, оказалось, что сосудам не меньше четырёх тысяч лет! Вот какими они оказались древними. В то время племена, населявшие эти степи, уж точно не знали грамоты. А планы местности рисовать умели...

Недавно в Турции при раскопках древнего поселения, располагавшегося возле двуглавой горы, англий-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4.

ский археолог тоже нашел план, нацарапанный на глиняной пластинке. По мнению специалистов, этой находке девять тысяч лет. Сегодня этот план-карта считается самым древним на всей Земле. Так это или нет, кто его знает... Может быть, есть где-то и ещё более древние? Просто мы их пока не нашли...

Что такое «география»?

Сначала люди рисовали только планы своих посёлков и ближайших окрестностей. Потом познакомились с соседями. Нарисовали их селения. Потом ушли купцы с караванами товаров к другим народам, вернулись и составили чертежи, планы и описания долгих караванных путей и новых стран.

Древнегреческий философ по имени Анаксимандр собрал все описания, какие смог, и попробовал нарисовать план всей известной древним грекам Земли. Получилась первая карта.

Другой древнегреческий учёный, поэт и философ Эратосфен написал большое сочинение, которое назвал «Географика». Эратосфен первым предложил новое слово «география», что по-древнегречески означало «описание Земли». С тех пор оно стало названием науки о нашей планете. Некоторые историки считают

Эратосфена «отцом географии». Ведь он не только описал известные ему земли, но и нарисовал их на картах. А чтобы легче было по этим картам ориентироваться, Эратосфен провёл от одного края к другому перпендикулярные линии, которые мы сегодня называем параллелями и меридианами. Одну параллель, которая шла с запада на восток и делила Средиземное море на северную и южную части, он назвал «диафрагмой». А вертикальную линию он провёл через город, в котором жил, — египетскую Александрию.

Сегодня география — это целый комплекс разных наук. Они изучают не только поверхность Земли, но и всю окружающую природу. Одни науки исследуют атмосферу нашей планеты. Другие — воду: океаны и моря, реки и озёра. Третьи науки занимаются внутренним строением Земли, выясняют, где и какие полезные ископаемые находятся, разыскивают очаги землетрясений, подземные пещеры и подземные моря.

Есть у древней науки географии и новые разделы. Один из них называется экономической географией. Её специалисты наносят на карты электростанции и шахты, заводы, фабрики, железные дороги, нефте- и газопроводы.

Есть ещё пятые, шестые и... десятые разделы у географии. Иногда

много разных специалистов-географов объединяются вместе и составляют планы на будущее: где лучше строить новые города и где возводить плотины. Они решают, как изменить течения рек и где устроить новые моря.

Географы — это люди, которые занимаются благоустройством нашей планеты, делают её ещё лучше, ещё удобнее. Вот такая у них интересная работа.

Серебряная карта арабского географа

На большом острове Сицилия, посреди тёплого Средиземного моря, в городе Палермо жил некогда арабский учёный-географ с длинным именем Абу Абдалла Мохаммед Ибн-Идриси. Был он сыном богатого князя, много учился, путешествовал и считался очень мудрым человеком.

А в королевском дворце того же города жил тогда король по имени Рожер Второй. Был он родом из Нормандии — северного европейского государства, да вот судьба занесла его в жаркую Сицилию. Король Рожер отлично знал северные страны, гордился этим и любил географию. Так ведь часто бывает, что мы любим то, что лучше знаем, не правда ли?

Услыхал как-то король про учёного-географа. Люди говорили, что никто на свете не знает южных земель лучше, чем он. Белел Рожер позвать Ибн-Идриси и предложил ему вместе составить самую подробную и самую правильную карту всего обитаемого мира. Ведь он сам хорошо знал северные страны, а арабский географ — южные...

Ибн-Идриси согласился работать с королём.

«Какой же материал достоин запечатлеть столь великий труд?» — спросил король у географа. Ему казалось, что обыкновенная бумага — слишком простой и недолговечный материал для их карты.

Неизвестно, что ответил арабский учёный. Но король приказал выгresti из своей сокровищницы всё се-

ребро, которое там хранилось, переплавить и выковать из него такую большую пластину, какая только получится. Пусть на ней навечно будет нарисована замечательная карта, которую они составят.

Слово короля — закон. Принялись за дело сначала литейщики, потом кузнецы. Наконец четыре человека с трудом втащили тяжёлый серебряный лист в рабочий кабинет географа. И с той поры целых пятнадцать лет Абу Абдалла Мохаммед Ибн-Идриси рисовал и резал, чеканил и выдавливал на мягком белом металле контуры стран и земель, известных ему и королю Рожеру.

Не дождался король карты — умер. Но арабский географ всё-таки довёл дело до конца. Всё у него получилось, как было задумано. На огромной круглой пластине нарисованы моря и реки, горы и пустыни разных стран, а на длинном свитке написано прекрасное объяснение к карте.

В одном только ошиблись и король, и географ. Серебро оказалось очень недолговечным материалом. Скоро наследникам короля понадобились деньги и... серебряная карта исчезла. Мы бы и не узнали о ней ничего, не сохранись у Ибн-Идриси её копия, нарисованная на простой бумаге. Она много лет служила людям верой и правдой и даже сохранилась до наших дней. Вот и подумай, что долговечнее — серебро или простая бумага?..

На карте арабского географа собраны все самые передовые знания того времени. А происходило это примерно в середине двенадцатого века. Тогда люди ещё не очень хорошо были знакомы со своей Землёй и то, чего не знали, — выдумывали. Поэтому на карте Ибн-Идриси и Рожера Второго можно увидеть не только истинные сведения, но и ошибки. Но это ошибки с точки зрения нашего времени, а восемь веков назад никто их и не заметил.

Про первых путешественников

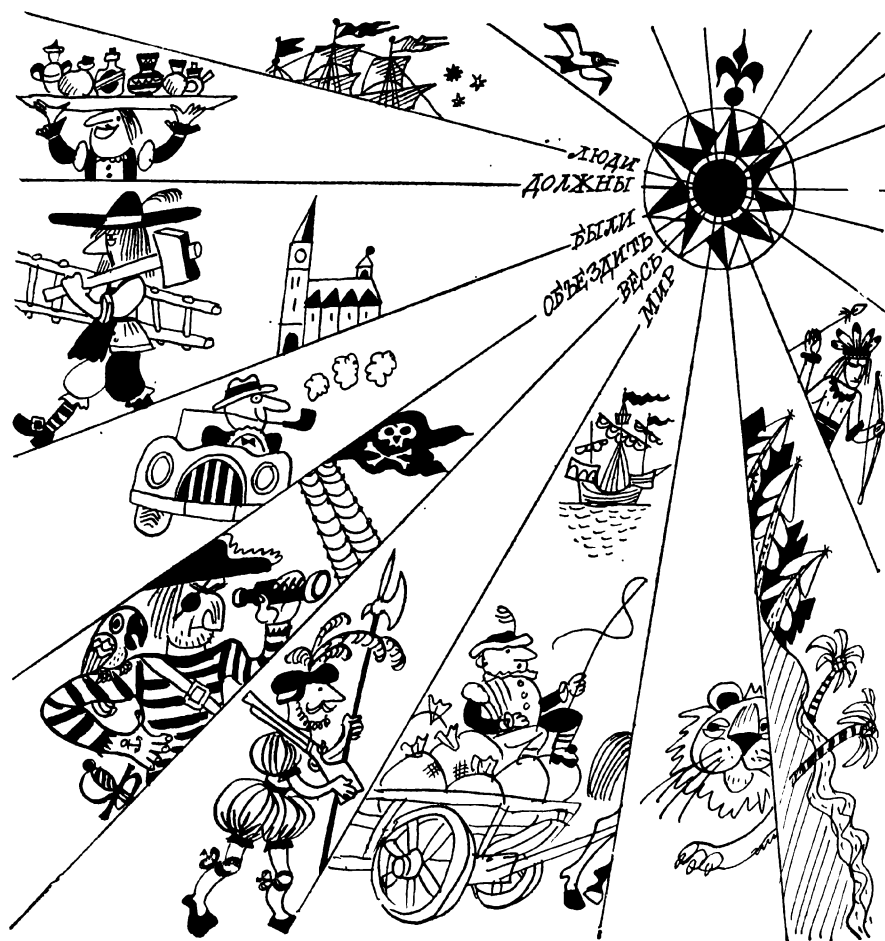
Для того чтобы исправить все ошибки древних географов, люди должны были объездить весь мир.

Объездить, увидеть всё своими глазами, правдиво описать и нарисовать то, что видели. А сделать это было нелегко. Ни дорог, ни транспорта подходящего для долгих поездок у людей тогда не было. Кто же всё-таки совершал поездки в те далёкие годы? Куда ездили люди? Что они искали?

Самыми древними странствователями были купцы и торговцы. Они ездили по разным городам и странам, покупали, продавали, обменивали самые разные товары. Одни хотели нажить при этом побольше богатства. Других гнала в дорогу не только нажива, но и нестерпимое любопытство или, лучше сказать, любознательность.

Нелегки пути торговые были у древних купцов-путешественников. То реки встретятся, то болота, то леса, то горы, а дорог наезженных нет. То непогода застигнет: дождь, снег, ураган, буря, а на море — шторм. То звери лютые нападут: кому волки дорогу заступят, а кому и львы с тиграми встретятся. Но страшнее всего купцам — лихие люди.

В пустыне, в лесу ли налетят разбойники: товары пограбят, купцов в плен уведут. На реках — ушкуйники, речные разбойники. В море — пираты. У морских бродяг каких только названий не было. Называли их пиратами и корсарами, флибустерами и буканирами, называли

каперами, приватирами и рейдерами... Но как ни называй, все они — разбойники. Подстерегали купеческие караваны на морских просторах. Волками налетали или, лучше сказать, как стаи акул, грабили, убивали и — наутёк... Надо было и от погони уйти, и место подходящее найти, куда чужое добро спрятать. Далеко уходили разбойники в неведомые края. Открывали необитаемые острова и новые земли. Выходит, что и разбойники... путешествовали.

Где разбойники, там и солдаты. Где солдаты, там и походы. А раз так, то чем солдаты не... путешественники?

Начинались войны и кончались войны. В таких делах без дипломатов не обойдёшься. Послы разных держав с незапамятных времён ездили из одной страны в другую, встречались, плели интриги. Собирали сведения, засылали шпионов. И писали обстоятельные доклады своим королям. Выходит, что и дипломатия, и шпионаж — тоже профессии, в которых без путешествий не обойдёшься.

Разные причины выводили в прошедшие времена людей на дороги. Путешествовали мастера. Переходили камешки из одного города в другой. Строили каменные палаты, чтобы века стояли. Странствовали архитекторы и художники. Переходили от одного мастера к другому ученики-подмастерья. Бродили по дорогам врачи. Чем больше дорог прошёл человек, тем больше увидел. Многие увидели — многому и научился. Стал мастером-специалистом. В те годы даже студенты не слушали всего курса наук в одном и том же университете, а переходили из города в город, из страны в страну...

Кроме того, во все времена были и есть на Земле люди, просто беспокойные по натуре. Беспокойные и любознательные. Услышат про какие-нибудь чудеса в чужих краях, и нет им покоя ни днём ни ночью, пока сами всё не увидят. Если у них при этом есть научная цель, пишут они потом книги, рассказывают в них о том, чего люди не знали рань-

ше. Это настоящие путешественники-учёные. А если люди просто от скуки переезжают из одного места в другое, глазуют беспечно по сторонам, то это не путешественники, а бездельники. В последние годы их развелось много, называют они себя «туристами»...

Карта для домоседов

Конечно, кто никуда не ездит, у того и вопросов-то никаких не бывает. Он или совсем ничему не верит и считает всю Землю похожей на ту местность, на которой сам живёт, или верит всему подряд, даже самым нелепым выдумкам.

Посмотри на карту, которую составили монахи специально для домоседов. Толстые и ленивые монахи не любили путешествовать. Они предпочитали сидеть дома, пить и есть, и слушать всякие небылицы, которыми украшали свои рассказы врали и хвастуны, воротившиеся из странствий. Не хотелось монахам и того, чтобы ездили в дальние страны и другие люди. Кто много видел, тот много знает. Того не так легко обмануть. А без этого монаху не прожить.

И вот, собрав все небылицы, составили монахи карту, поглядев на которую даже смелый человек придумается, нужно ли отправляться в дальнюю дорогу.

Вот нарисован одноногий человек. Думаешь, это калека? Ничуть не бывало. Просто кто-то рассказал монахам, дескать, живёт в далёкой Индии целое племя одноногих людей. Они очень быстро бегают, а когда начинается дождь, то поднятая вверх ступня служит им вместо зонтика. В той же Индии, по рассказам вралей, жили люди с собачьими головами, с лошадиными ногами и даже несчастные создания, лишённые рта. Блуждая по берегам великого Ганга, безротые питались только запахом. А отправляясь в путешествие, клали за пазуху лишь одно дикое яблочко, долгие дни сохраняющее свой аромат.

В Африке монахи нарисовали и все безголовых людей. Глаза, нос и уши у них находились на груди. А вот на одном из островов Каспийского моря монахи поселили великанов высотой с двухэтажный дом. Всего удивительнее были у них уши. Рассказчики придумали их такими большими, что великаны могли в них заворачиваться, как в одеяла, когда наступала ночь.

А вот человек, который закрывает лицо от солнца... нижней губой. Это представитель большегубого племени.

Есть на карте карлики и великаны, драконы и чудовища. Все, кто населял старые сказки и страшные легенды, нашли себе место на этой удивительной карте.

Конечно, те, кто не любил дальних дорог, всегда могли сослаться на страшных чудовищ, поджидающих путешественников в неизвестных землях, и остаться дома.

Как найти начало у шара?

Жил-был лет пятьсот назад в немецком городе Нюрнберге богатый купец по имени Бегайм. И был у него сын Мартин. Однажды приехал он на каникулы домой и узнал новость: рядом с ними в соседнем доме поселился знаменитый математик и астроном того времени Иоганн Региомонтан. Он уже успел устроить в Нюрнберге типографию, астрономическую обсерваторию и чудесную мастерскую, в которой мастера изготавливали невиданные приборы и рисовали географические карты. Это было так интересно, что Мартин во что бы то ни стало решил познакомиться с Региомонтаном. И когда ему это удалось, стал целыми днями пропадать в его мастерской. Незаметно летело время. Мартин делил его между мастерской учёного и лавкой отца.

Когда Мартину исполнилось двадцать четыре года, отец послал его с торговым поручением в город Лиссабон — столицу могучей морской державы Португалии. Король Жуан Второй, который правил тогда этой страной, всячески поощрял мореходство. Ещё бы, ведь открытия неизвестных земель приносили немалый доход королевской казне.

Вот только никто из моряков в ту пору не умел определять точное местонахождение своего корабля, если он находился вдали от берегов. Знали, как найти север или юг, восток или запад. Но чтобы определиться и выбрать направление, капитаны обязательно должны были приставать к берегу.

И вот к советникам короля пришёл молодой иностранец Мартин Бегайм и сказал, что может сконструировать такой прибор, с помощью которого можно будет измерять высоту солнца и звёзд прямо с палубы корабля в открытом море, не

высаживаясь на берег. Сначала ему, как водится, никто не поверил. И тогда Мартин показал всем то, о чём говорил...

Вообще-то, это была обыкновенная астробля — астрономический прибор, который давным-давно изобрели арабы и которым Мартин научился пользоваться в мастерской Региомонтана. Но португальцы астробля не знали.

Старые капитаны и важные советники короля были восхищены предложением молодого человека. Сам король посвятил его в рыцари и опоясал тяжёлым мечом, а два герцога привязали к его ногам острые шпоры и надели на голову Мартина блестящий шлем с перьями. И тут же его назначили штурманом на корабль адмирала Диего Као, экспедиция которого отправлялась в секретную поездку вокруг Африки.

А знаешь ли ты, кто такой штурман? Это один из самых главных специалистов на корабле. Его задача — точно проложить курс и всё время следить за тем, чтобы корабль с курса не сбился. Во время плавания Мартин показал себя очень толковым штурманом. И неудивительно, что не успел он вернуться из одной экспедиции, как тут же отправился во вторую, потом в третью...

А потом настал день, когда он со своими матросами не сумел отбиться от налетевших пиратов и угодил в плен. Пираты очень рассчитывали получить за королевского штурмана хороший выкуп. Но король не торопился. Пленник долгие дни проводил у окна своей тюрьмы, смотрел на море и думал. У него для этого впервые оказалось так много свободного времени. Мартин и раньше замечал, что поверхность моря выпуклая. Немало размышлял над этим, когда чертил свои штурманские карты. А теперь он спрашивал себя, какой же должна быть вся Земля, если моря на ней горбатые?

Наконец пришёл долгожданный выкуп, и Мартин Бегайм вернулся домой. Здесь-то он и решил изобразить Землю не в виде плоской кар-

ты, а в её естественном виде. Он заказал мастерам медный шар и велел его обтянуть белой кожей. Потом он нарисовал на коже все известные ему земли и государства. Провёл границы, изобразил королей, сидящих на тронах с коронами на головах, нарисовал флаги и гербы... И то, что у него получилось, назвал «земным яблоком».

Но ты, конечно, понимаешь, что это был глобус. Самый первый в Европе глобус. Вот только непонятно было, как ориентироваться по такому глобусу. От чего отсчитывать расстояния и как определять направления?

Мартин Бегайм был штурманом, и потому эти вопросы его волновали в первую очередь. Правда, он знал, что ещё древние географы, чтобы легче было пояснить направление по картам, проводили вдоль берега нарисованного Средиземного моря длинную прямую линию. Вторую линию, поперёк первой, они вели по реке Нилу. Тогда, определяя место на карте, можно было всегда сказать, вверх или вниз от первой линии, вправо или влево от второй это место находится. Мартин Бегайм добавил к этим двум линиям ещё и другие, перенёс их на свой глобус. Получилась на «земном яблоке» сетка из меридианов и параллелей.

Посмотри на хорошо знакомый тебе школьный глобус. Самая глав-

ная параллель проходит по середине земного шара, делит его на северное и южное полушария и называется экватор. В полдень на экваторе солнце стоит над самой головой, и потому в тех местах очень жарко.

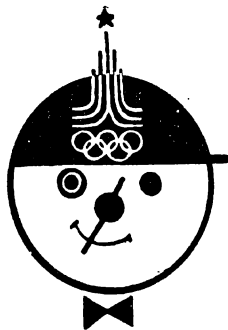
А вот главного меридиана не существует. Люди договорились начинать отсчёт от того, который проходит через Гринвич — старинную астрономическую обсерваторию в Англии. От гринвичского меридиана начинается отсчёт времени. Наша страна лежит на восток от Гринвича, у нас солнце встаёт раньше, поэтому и время в нашей стране опережает гринвичское, или всемирное: в Москве — на два часа, в Горьком и Тбилиси — на три, в Свердловске — на четыре, в Ташкенте — на пять, в Игарке и Новосибирске — на шесть, в Иркутске — на семь, в Чите и Якутске — на восемь, в Хабаровске и Владивостоке — на девять, в Магадане — на десять, а на самом краю нашей страны, в Уэлене, — на целые двенадцать часов, на полсутки! Вот какая наша страна большая!

После Мартина Бегайма в мире изготовлено бесчисленное множество глобусов самых разных размеров. Были среди них большие, а были и очень большие. Один из самых больших глобусов увидел в Париже русский царь Пётр Первый и тут же велел купить. Привезли парижский глобус в Россию на лошадях. Царь хотел по нему учить русских мореходов географии. Только не успел сделать, что задумал, — умер. Глобус хранился, хранился в царском дворце в Петергофе, а потом случился во дворце пожар, он и сгорел.

И всё-таки в нашей стране есть ещё один большой и старинный глобус. В Ленинграде, в музее, который называется «Кунсткамера», можно увидеть самый большой в нашей стране глобус. В стенке его — дверца, а внутри по экватору — скамеечка. Если на нее сесть, можно увидеть множество звёзд, которые окружают нашу Землю. Они нарисованы на внутренней стенке глобуса. Это очень интересно.

Рис. Ю. Бочкарёва

КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»

РАЗЪЕЗДНОЙ корреспондент клуба «Олимпийский хронометр» — Никодим Журналов (он же Борис Младенский) поехал в Общество филателистов: он должен был написать репортаж о марках, посвящённых Олимпиаде. Но когда наш корреспондент встретился с филателистом Анатолием Башкиным, то вместо репортажа привёз рассказ одного мальчика о его необычной коллекции.

Этим рассказом мы и открываем сегодняшнее заседание клуба «Олимпийский хронометр».

А. БАШКИН

Первая олимпийская серия'

Вышел на набережную. В спокойной воде Невы отражается собор Смольного монастыря. Куполом вниз. Выбрал на газоне ровное место, опёрся руками о землю, рывком встал на голову. Отражение в воде стало нормальным, зато сам собор опрокинулся куполом вниз. Так и стоял на голове ногами вверх...

— Готовишься к Олимпиаде?

Я грохнулся на землю, поднял голову и увидел перед собой Петра Сергеевича, руководителя нашей филателистической секции при жилконторе. Вот человек, который может по-настоящему понять меня! Вскочил на ноги, протянул Петру Сергеевичу классер:

— Вот, выменял...

— Что выменял?

— Гермеса!

— Да? Любопытно, посмотрим...

Он присел на скамью, раскрыл классер, взглянул на марку.

— Интересно, очень интересно...

Порывшись в карманах, Пётр Сергеевич достал пинцет, складную лупу, вынул марку и стал внимательно рассматривать её. Я сидел рядом, словно на десятом небе, гордый и счастливый.

— Интересно, — снова повторил Пётр Сергеевич. — Не мог бы ты доверить мне эту марку, скажем, на два дня?

Это Петру-то Сергеевичу!

— Конечно, могу!

— Вот и отлично. Приходи ко мне вечером послезавтра. Кстати, принеси коллекцию, я её давно не видел.

Я ШЁЛ к Петру Сергеевичу, и противоречия мучили меня. С одной стороны, распирала гордость за олимпийскую серию Греции, олимпийскую марку Уругвая и ещё несколько интересных олимпийских серий, которые наш руководитель у меня ещё не видел. С другой стороны, после обмена моя коллекция сильно потощала. И хотя я разложил оставшиеся марки как можно свободнее, общее их количество всё равно не внушало уважения.

Открывалась коллекция, разумеется, первой олимпийской серией Греции. Пётр Сергеевич внимательно рассматривал каждую марку, а я, затаив дыхание, сидел сбоку письменного стола. Наконец, добавив к серии

Марки в честь первых Олимпийских игр 1896 года: кулачный бой, метатель диска, амфора, которой в древности награждали победителей.

моего Гермеса, он перевернул страницу. Долго и тщательно изучал олимпийскую марку Уругвая. Достал каталог, что-то проверил. В общем, ковырялся он в моих марках больше часа.

Закрыв последнюю страницу кляссера, Пётр Сергеевич отодвинулся от стола, снял очки, неторопливо сложил лупу и отложил в сторону.

— Молодец... Отличная подборка. Есть у тебя вкус к хорошим маркам. Уругвай — просто прелесть! Олимпийские серии Франции и Бельгии тоже хороши... А зелёный токийский блок вызывает у меня самую настоящую зависть...

И хотя где-то втайне я рассчитывал на похвалу, всё же меня бросило в краску.

— Гермес тоже в хорошем состоянии... — попробовал я поддержать разговор.

— Да, конечно, в хорошем. Но он был бы ещё более хорош, если бы был настоящий.

— Как настоящий? — не понял я.

— Фальшивый Гермес. Хорошая подделка.

Меня словно окунули в холодную воду. Мурашки пробежали по телу. Я сидел весь обмякший. А Пётр Сергеевич вновь подвинул к себе кляссер, вынул из греческой серии марки номиналом в 40 и 60 лепта и положил их на стол.

— Эти тоже фальшивые. Видишь, какой расплывчатый рисунок марки? Подлинные печатались с гравюры и должны быть очень чёткими.

Я ничего не видел. Слезы обиды застлали глаза. За что же я отдал полколлекции. За какую-то фальшивку...

— Надул меня Витёк, — наконец выдавил я. — А ещё друг...

— А я уверен, что он не сомневался в подлинности марки. А ты что? Очень расстроился?

Слёзы едва не потекли по моим щекам. Мне было стыдно, но ещё больше было горько за то, что потрачено столько времени впустую, что моя гордость — лучшие марки олимпийской серии оказались ненастоящими.

Пётр Сергеевич словно угадал мои мысли:

— Вчера я был у товарища, ездил проверять твоего Гермеса. Он собирает Олимпиаду уже более двадцати лет. Но и у него тоже нет этих марок, — Пётр Сергеевич кивнул на выложенные из кляссера фальшивки, — и Уругвая у него тоже нет, а у тебя есть. А вообще-то, ты знаешь историю этих марок?

— Знаю... — буркнул я. — Это первая в мире олимпийская серия, выпущена в Греции в тысяча восемьсот девяносто шестом году.

— А для чего она была выпущена?

— Ну, чтобы отметить первые Олимпийские игры, которые проходили в Афинах... — всё ещё всхлипывая, произнёс я, а сам подумал, что эти детские вопросы можно было бы приберечь для начинающих.

— Правильно, — подтвердил Пётр Сергеевич. — Только не в этом заключалась их основная задача. Когда Международный Олимпийский комитет решил первые Олимпийские игры провести в Афинах, греческое правительство вынуждено было отказаться от такой чести, потому что организация игр стоила дорого, а средств не было. Денег, которые удалось достать путём сбора пожертвований, оказалось недостаточно. Вот тогда греческие коллекционеры и предложили выпустить серию марок, посвящённую Олимпийским играм. Греческий парламент утвердил издание олимпийской серии.

Пётр Сергеевич придвинул классер ко мне.

— Видишь, что изображено на марках?

Это я помнил наизусть, но всё же взглянул на серию.

— Поскольку первые Олимпийские игры восстанавливали традиции Древней Греции, на марках изображены виды спорта, в которых соревновались древние греки. Вот, пожалуйста, кулачный бой, метание диска, гонки колесниц. Правда, в этой серии не хватает очень популярных в древности бега и борьбы, но зато есть изображение античного стадиона. А что ещё на марках этой серии?

Тоже детский вопрос. Хотя концевых марок серии у меня не было, тем не менее я их отлично знал:

— Покровитель Олимпийских игр бог Гермес, богиня победы Ника и Акрополь.

Я окинул взглядом страницу классера, глаз зацепился за вертикальную марку, забытую мною.

— Да вот ещё античная амфора. Тоже, наверное, фальшивая...

Пётр Сергеевич засмеялся:

— Нет, эта красно-коричневая амфора настоящая, а вот рядом с ней — фиолетовая — фальшивая.

На марках: основатель современных Олимпийских игр Пьер де Кубертен, Олимпийский факел и шествие на олимпийском стадионе.

— А настоящие-то они бывают?

— Конечно, бывают. Только редко встречаются. Марки этой серии изготавливались в разном количестве. Красно-коричневая амфора печаталась тиражом четыре миллиона штук, а вот эта, — Пётр Сергеевич достал свой альбом и дотронулся пинцетом до марки чёрного цвета с изображением колесницы, — тиражом всего в двадцать четыре тысячи. За семьдесят лет очень много марок погибло. Филателистов раньше было мало, сберечь от уничтожения марки было некому, и их вместе с конвертами выбрасывали, как мусор.

Пётр Сергеевич задумался.

— Я вспоминаю, сколько хороших марок перепортили мы в детстве. Наклеек у нас не было, класеры тогда вообще не существовали. Мы наклеивали марки в тетради конторским клеем. Со временем все эти марки стали жёлтыми. Хорошие марки... Культура коллекционирования была у нас очень низкая.

— И олимпийские тоже портили?

— Портили. Вообще, этой греческой серии крепко не повезло. Её печатали очень долго. А через год Турция оккупировала северные районы Греции и захватила большое количество марок этой серии. Чтобы Турция не смогла воспользоваться захваченными марками, греки вынуждены были на своих марках сделать специальные надпечатки. А ещё через три года в Греции изменился почтовый тариф, и на остатках тиража появились надпечатки новой стоимости марок. Так что марок этой серии в том виде, в каком они появились на греческой почте на второй день после открытия первой Олимпиады, осталось очень мало. Поэтому полная серия сейчас считается большой редкостью. А задачу свою серия выполнила. От её продажи греческое правительство выручило четыреста тысяч драхм.

Я думал, что знаю всё о первой олимпийской серии, а оказалось, что почти ничего не знаю. То, что рассказывал Пётр Сергеевич, для меня было ново, интересно, и я совсем забыл о своей неудаче.

— Не сразу филателисты оценили по достоинству олимпийскую серию, — продолжал Пётр Сергеевич. — А когда поняли, насколько она прекрасна и по сюжетам, и по исполнению, марки этой серии — особенно крупных номиналов — уже стали редкостью. А те, что попадались, были не в очень хорошем состоянии. Вот здесь филателистические жулики и решили поднажиться на коллекционерах — они стали печатать фальшивые марки. Фальшивки делались очень хорошо, они почти не отличались от настоящих марок, а их состояние было значительно лучше, чем у настоящих.

— А как же они гасили фальшивые марки?

Пётр Сергеевич улыбнулся:

— Фальшивый штемпель гашения изготовить много проще, чем фальшивую марку.

Сложив на столе в ряд фальшивые марки, Пётр Сергеевич спросил:

— Почему бы тебе не ввести в коллекции новый раздел — «Фальшивые олимпийские марки»? Это тоже очень интересно: и с точки зрения истории, и с точки зрения познавательности. Для начала у тебя уже кое-что есть.

Ну и голова у Петра Сергеевича! Как быстро он всё это повернул. Я моментально забыл все обиды. Такая идея! Ведь ни у кого в коллекции ничего похожего нет. И на душе у меня стало сразу легко.

— Значит, не зря всё-таки я эти марки выменял? — обрадованно спросил я.

— Разумеется, не зря, — подтвердил Пётр Сергеевич. — Ничего в жизни не бывает зря. Учатся даже на ошибках.

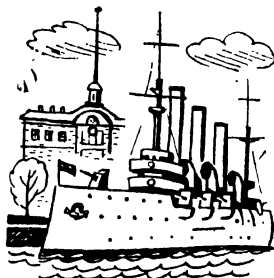
ИНТЕРЕСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Иван Кузьмич и Полина Мироновна Гладиковы из деревни Фащевка Могилёвской области собрали коллекцию деревянных ложек, какой, пожалуй, нигде больше не встретишь.

Подделками из дерева ещё в давние времена славились жители здешних деревень. Постепенно промысел стал забываться. А вот семья Гладиковых осталась верна ему.

Они делают ложки из различных пород дерева, любых размеров и расцветок.

Их продукция экспонировалась на выставках в Минске, Вильнюсе, Москве.

НА ВЕЧНОЙ СТОЯНKE

Почти 30 лет назад, в ноябре 1948 года, легендарный корабль Великого Октября крейсер «Аврора» был поставлен на вечную стоянку у Петроградской набережной Большой Невки.

За это время корабль-памятник посетило более 10 миллионов человек из 140 стран мира.

Крейсер и собранные в его музее реликвии верно служат важному делу коммунистического воспитания.

НА ДВА МИЛЛИАРДА...

По данным Комиссии ООН по народонаселению, численность его на земном шаре к концу текущего столетия достигнет 6,2 миллиарда человек, то есть увеличится больше чем на два миллиарда.

«КОСМОС»

На авиационном заводе имени Ю. А. Гагарина, в цехе детских игрушек, налажено производство велосипедов «Космос».

Новая машина удобна для всех ребят — те, которые постарше, могут поднять руль и сиденье по росту, а для маленьких предусмотрено крепление третьего колеса.

ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ... НА УРАЛЕ

Ожила знаменитая Невьянская башня — та самая, «падающая», но так и не упавшая за 250 лет существования. Как возводили её уральские мастера — до сих пор неясно. Секрет механизма долго хранили и установленные на ней куранты. Однако эту загадку разгадал местный умелец А. Сакошцев. Часы загово-

рили. Теперь в полдень они исполняют мелодию, звучавшую много десятилетий назад.

Комплекс сооружений в Невьянке — бывший Демидовский завод-крепость, хранит много тайн. Начало их изучению положит экспедиция учёных Свердловска, организованная весной этого года.

В первую очередь заслуживает тщательного изучения мастерство тех, кто

возводил «падающую» башню, столь схожую с широко известной Пизанской башней в Италии.

Предстоит также определить будущее Невьянского историко-архитектурного памятника, наметить меры по его сохранению. Надо спешить, ведь «падающая» башня и впрямь может упасть. Наклон её с каждым годом увеличивается, в стенах образовались трещины.

...только одно лиственное дерево — бук «производит» в час 1,7 килограмма кислорода! Его дневная «продукция» может удовлетворить потребность в кислороде 64 человек. За час бук перерабатывает 2,35 килограмма ядовитой окиси углерода, которая содержится в выхлопных газах автомашин. При этом очищаются 4800 кубических метров воздуха.

...в путешествие вокруг света на велосипедах отправилась группа американских школьников во главе с преподавателем одной из школ города Сизтла (штат Вашингтон)! Велосипедисты должны «на колёсах» достичь Нью-Йорка, затем совершить перелёт на Европейский континент и вновь на велосипедах проехать по многим странам Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

...берлинцы в своей привязанности к четвероногим друзьям держат абсолютный рекорд! В Берлине — более 44 тысяч собак. Сотрудники Лейпцигского университета опросили 1250 владельцев собак, пытаясь выяснить мотивы, по которым люди их заводят. 63 процента опрошенных объяснили это своей любовью к животным, 15 процентов ответили, что собаки помогают отдыхать. Для охраны дома и охоты их держат только 10,4 процента. 4,8 процента опрошенных считают, что четвероногий друг скрашивает одиночество и старость.

...Байкал — неповторимый уголок нашей Родины! В этом величайшем озере-море находятся четыре пятых мировых запасов поверхностных пресных вод, самых чистых на планете. Впадина Байкала может вместить всю воду Балтийского моря, 92 Азовских и 23 Аральских морей или воду всех пяти Великих озёр Америки, вместе взятых. В озере обитают 1800 различных видов животных и растений, многие из которых присущи только Байкалу. Своеобразие природы водоёма дополняет горная тайга, раскинувшаяся на огромной территории вокруг озера.

...поселение, относящееся к 3000-м годам до нашей эры, обнаружено археологами в горах острова Тасос в Эгейском море! Найдены украшения из меди, оружие, надгробные плиты, развалины древних жилищ из дерева и камня.

...в Амстердаме (Голландия) вышла первая в мире «говорящая» газета «Гесproken дахблад»! Она представляет собой магнитофонную кассету с записанными на ней новостями продолжительностью звучания в один час. Эта необычная газета рассчитана на людей, для которых чтение связано с определёнными трудностями. Цена не превышает стоимости обычных ежедневных газет.

...в старинном городе Болхове (Орловская область) несут службу временные куранты! Они установлены в 1900 году на колокольной башне собора, сохраняющегося как памятник архитектуры. Творение замечательных русских умельцев — болховские куранты просты по устройству, точны, имеют двухнедельный завод. Диаметр их циферблата — два метра. Каждый час в них отбивается 25-пудовым колоколом.

...в зоопарке города Рапперсвилля (Швейцария) родился маленький дельфин! Длина новорождённого 1 метр, вес 20 килограммов. Случаи размножения дельфинов в условиях неволи крайне редки.

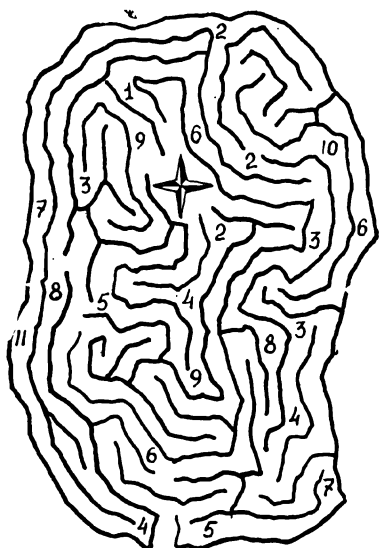
...в Японии очень много белых лебедей, прилетающих туда на зимовку! По всей стране зарегистрировано 146 лебединых озёр, на которых проводят зиму до 14 тысяч лебедей. Самое крупное зимовье — озеро Одайто на острове Хоккайдо, неподалёку от города Немуро. Здесь зимует более трёх тысяч пернатых переселенцев.

...житель города Феникс (США) в споре на пари с друзьями забрался в вольер местного зоопарка, где живёт бенгальский тигр! От верной смерти его спасли служители зоопарка, услышавшие из вольера громкие крики. Так плачевно закончилось для молодого спорщика «знакомство» с грозным животным.

ЛАБИРИНТ

Разберитесь, сколько существует основных маршрутов, чтобы попасть в пещеру, помеченную звёздочкой?

Какую сумму цифр можно набрать, пользуясь каждым из них?

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

11,5,23,16,9 8,2,20,6,5,21 3,9,26,15,
17,7,29,21 1,2,16 3,2,11,5,21 8,26,8,
5,1,6,5,8,9,6,6,5,21 17,16,2,7,11,5,23,
16,9, 20,3,2,16,17, 1,12,23,5,8 4,2,
20,7,9,4,17, 13,2,3,6,2,2,7, 23,5,1,9,
27,26,2,4,1,17...

1,2,3,4,5,6,7,5,8.

Перед вами зашифрованный отрывок из стихотворения великого русского поэта. Все буквы текста заменены цифрами, причём каждой цифре соответствует определённая буква. Ключом к расшифровке служит фамилия автора, записанная под текстом и также зашифрованная с помощью цифр. Если вы правильно определите фамилию поэта, то без особого труда разберётесь и в задаче.

Отдел ведёт Вадим Акентьев

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$$\begin{array}{r}
 \times \quad \bullet \quad \bullet \quad \bullet \\
 \bullet \quad \bullet \quad \bullet \\
 \hline
 \bullet \quad 1 \quad \bullet \quad 7 \\
 \bullet \quad \bullet \quad \bullet \quad 4 \\
 \hline
 \bullet \quad \bullet \quad \bullet \quad \bullet \\
 \bullet \quad \bullet \quad \bullet \quad 8 \quad 4 \quad ?
 \end{array}$$

Перед вами пример на умножение, в котором часть цифр заменена точками. Сможете ли вы разобраться в том, какие два числа перемножаются и что получится в результате умножения?

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Название какого литературного произведения «спряталось» в этом ребусе?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 5 и 6]

ЧАЙНВОРД «ДВОЙНОЙ»

1. Помидор. 2. Организм. 3. Змее-
лов. 4. Овраг. 5. Аграф. 6. Афалина.
7. Напёрсток. 8. Окраина. 9. Надеж-
да. 10. Дантист. 11. Сталактит. 12. Ита-
ка. 13. Канделябр. 14. Браконьер.
15. Ереван. 16. Андорра. 17. Рапсод.
18. Одиночество. 19. Вороной.
20. Оймякон. 21. Ондатра. 22. Радик-
кал. 23. Алгоритм. 24. Тмин. 25. Ин-
декс. 26. Ксилофон. 27. Онегин.
28. Инерция.

ХОДОМ КОНЯ

Навык мастера ставит.
Крем, крен.

ЗАДАЧА С ТРЕУГОЛЬНИКОМ

На рисунке изображено 8 тре-
угольников.

РЕБУС

В ребусе зашифрованы две строки
из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».
Горит восток зарёю новой...
В огне под градом раскалённым...

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. С. ПУШКИНА

«Полтава». «Дубровский». Швабрин.
Ленский. Сильвио. Германн. «Ме-
тель». «Капитанская дочка». «Барыш-
ня-крестьянка».

Содержание

Радуга. Стихотворение Василия Фетисова	1
Скачите, бронзовые кони! Очерк Василия Островского	2
Человек, который не забыл дет- ства. (К 50-летию Ю. Г. Томи- на)	8
Карусели над городом. Глава из повести Юрия Томина . .	10
Стихотворения Олега Бунду- ра	19
Так родилась беда. Рассказ Николая Кузьмина	20
Стихотворения Яна Вжехвы .	27
Слоны под облаками. Рассказ Святослава Сахарнова . . .	29
Лесные истории	37
Нет дела важнее. Заметки В. Никольского из междуна- родной почты	38
Путешествие в прошлое. Очерк Д. Раскина, О. Яковлева . .	40
Кубик, который чуть не поте- рялся. Сказка В. Попова . .	44
Дочки-матери. Стихотворение М. Тахистовой	48
«Лес над озером склонился...» Стихотворение Игоря Шенге- ра	48
В лес. Стихотворение Нико- лая Голя	48
Как люди открывали свою землю. Глава из книги А. То- милиной	49
Первая олимпийская серия. Заседание клуба «Олимпийский хронометр»	57
Пестрые заметки	61
Знаешь ли ты, что...	62
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рису-
нок В. Адаева «Буду моряком».

На 2-й странице обложки фото
А. Медведникова «Фонтаны Петро-
дворца».

На 3-й странице обложки фото
Е. Ломакиной «Четвероногие
друзья».

На 4-й странице обложки рас-
сказ в картинках Б. Цыганкова
«Единственный шанс».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик,
Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 31.05. 1979 г. Подписано к печати 20.07. 1979 г. 4 п. л.
М-20168. Зак. № 190. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

